

[Polaris]

Николай Азин

БРАСЛЕТ

Роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDI

Salamandra P.V.V.

**Николай
АЗИН**

БРАСЛЕТ

Роман

Salamandra P.V.V.

Азин Н. (Гудков Н. Д.)

Браслет: Роман. Подг. текста А. А. Степанова. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 102 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDI).

Маленький роман «Браслет» (1935) эмигрантского издателя Н. Гудкова, написанный под псевдонимом «Н. Азин» — уголовно-мистическая история в декорациях старой Риги и сельской усадьбы.

Н. АЗИНЪ.

БРАСЛЕТЪ

РОМАНЪ.

1935.

N. GUDKOVA IZDEVNIECĪBA
Latvijā, Rīgā, Antonijas ielā 11.

БРАСЛЕТ

I

Мокрый осенний вечер. Мглой и туманом окутан город. Грязно. Сыро. Холодно.

Я стоял у окна и смотрел на улицу. Мутно блестели уличные фонари, мелькали тени прохожих, с шумом, визгом и грохотом проезжали трамваи, извозчики и автомобили. Я прислушался: гам, визг, грохот и треск, крики, звонки, гудки, звуки рояля и песни, свист паровоза — вот музыка города.

Тоска грызла сердце, обидой одиночества наполняла душу. Шумно бился пульс многогранной жизни города. Радостная, красивая, веселая жизнь отдельными блестками ослепляла глаза, и манила, и звала, пленяя воображение и возбуждая мечту. Но я был одинок. В соседнем доме кто-то играл на скрипке. Плакала скрипка, рыдала. На душе стало еще печальнее.

Я оделся и вышел на улицу.

Два больших огненных шара, словно два солнца в редящей мгле, замелькали вдаль. Это кино. Как ночные бабочки стремятся к огню, выются, кружатся и обжигают крылья, так и люди всех возрастов направлялись к огням большого кинематографа.

Я вошел, купил билет и пошел отыскивать место. Девушка-брюнетка, отбирая билет, мельком взглянула на меня и улыбнулась. Девушка-блондинка встретила у дверей и ввела в темную залу кинематографа, не стыдясь взяла руку и в темноте повела отыскивать место.

— Пройдите немного вперед и сядьте на место, — проговорила она и скрылась.

Я сел и стал смотреть на экран.

Вот по водосточной трубе ночью лезет вор. Через окно проникает в комнату. Случайно попадает в спальню девушки. Разметавшись на белых подушках, крепко спит она, радостно улыбаясь во сне чему-то прекрасному. На столике рядом с кроватью лежат драгоценности: браслет, ожерелье,

кольца, сумочка с деньгами. Вор протягивает руку, чтобы взять драгоценности, но бросает взгляд на спящее лицо девушки и стоит неподвижно, очарованный...

Вдруг картина внезапно обрывается, тухнет электричество и кинематограф погружается во тьму. Раздаются недовольные крики, движение, шум. А когда, после минутного перерыва, в зал пустили свет, я обернулся налево и... вздрогнул.

Рядом со мной сидела девушка, очень похожая на ту, которую я только что видел на экране. Сходство было так сильно, что я хотел сказать своей соседке об этом. Опустив длинные черные ресницы, потупив глаза, она грустно сидела и о чем-то думала.

«Одинока и скучает», — подумал я и нагнулся вперед, стараясь заглянуть ей в лицо, но она отвернулась в сторону. Потом, не обращая ни на кого внимания, девушка встала и медленно пошла из зала, задумчивая и печальная.

Я жадно провожал ее глазами, стараясь не упустить ни одного движения, и в то же время думал о странном сходстве...

Картину вновь пустили и через две минуты опять прервали.

Я волновался. Что взволновало меня, я не знал: частое ли прерывание картины на самых интересных местах, или взволновала меня моя соседка? Я нервно вскочил со своего места и, в темноте натываясь на ноги посетителей кино, стал торопливо пробираться к выходу.

Я спешил догнать незнакомку, но все старания мои оказались тщетными. Девушка исчезла. Я нервничал и стоял на улице, не зная, что предпринять; потом, посмотрев по сторонам в надежде где-нибудь увидеть незнакомку, быстрым шагом пошел домой.

Домой я вернулся в самом неопределенном настроении духа. Раздевшись, вошел в комнату, сел за стол и начал читать. Прочитав две-три страницы, бросил книгу и стал писать, но из письма ничего не вышло, так как я не мог логически правильно и стройно выражать свои мысли. Я вскакивал со стула, нервно ходил по комнате, хватал руками разные

вещи, переставлял их с места на место, сам не зная для чего, но нервность моя не проходила.

Мысли бестолково перескакивали одна другую, как бы спешили куда-то. В воображении рисовались разные странные образы и предметы.

«Да что такое со мной, — подумал я, останавливаясь перед зеркалом, — не заболел ли?»

Я взглянул в зеркало и увидел возбужденное лицо с покрасневшими щеками и блестящими глазами.

«Что же такое со мной?» — спросил я еще раз.

В это время послышался легкий стук у двери. Я вздрогнул и чего-то испугался.

— Кто там? — спросил я и тотчас же подумал: «Для чего спрашиваю, когда ясно, что стучит моя старушка-прислуга».

За дверью кто-то шевелился.

— Кто там? — повторил я вопрос.

— Можно к вам?

— Войдите.

Дверь тихо отворилась и в комнату вошла девушка лет девятнадцати. Она была стройна и красива. Лицо бледно и печально. Черные большие глаза грустно смотрели на меня и виновато чего-то спрашивали. Это была та самая девушка, которая сидела со мной рядом в кино.

Я был так удивлен, что в недоумении уставился на вошедшую и молчал. Первый раз мою квартиру посетила незнакомая женщина, первый раз мне приходилось принимать женщину и притом такую грустную и печальную, и при таких странных обстоятельствах. Я не знал, что делать, и нервно шевелил пальцами полы своего пиджака.

— Простите, пожалуйста, что побеспокоила, но я к вам по делу.

— Ко мне, по делу?

— Да, по делу.

Такое прозаическое вступление немного успокоило меня и я сказал:

— Пожалуйста, присядьте, — и я пододвинул стул ближе к письменному столу.

Не снимая шляпы, пальто и перчаток, вошедшая села на стул и молчала.

Я сел на свое обычное место и бросил беглый взгляд на странную гостью. Она задумчиво смотрела на мои книги и молчала. Я невольно залюбовался тонкими, нежными и правильными чертами лица незнакомки, красивым очертанием рта и носа и черными густыми бровями, нависшими над печальными глазами.

— Итак, по какому же делу вы пришли ко мне?

Девушка вздрогнула, как бы очнувшись от забытья, и заволновалась.

— Видите ли, дело такое... я... право, не знаю, как вам лучше изложить его...

Я видел, что пришедшей неловко, она стеснялась, как будто чего-то стыдилась и не решалась. От волнения и смущения черты лица ее поминутно менялись, вся фигура ее нервно вздрагивала. Потом, после минутного смущения, девушка, видимо, решилась, внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Вы знакомы с господином Эрдманом?

— С каким Эрдманом?

— С тем, который имеет лавку антикварных вещей?

— Да, я знаком с ним.

— Часто бываете у него?

— Нет, изредка. Хожу тогда, когда есть лишние деньги.

— Вы покупаете у господина Эрдмана старинные вещи?

— Да.

— Господин Эрдман сказал мне, что вы большой любитель старинных вещей.

— Да, люблю.

— Это хорошо.

— Но я люблю не все старинные вещи, а только некоторые, красивые.

— Господин Эрдман говорил мне об этом.

— В антикварный магазин Эрдмана я действительно заглядываю: у него так много красивых вещей, что любоваться ими доставляет мне величайшее удовольствие. Если бы

у меня было много денег, то, пожалуй, половина магазина господина Эрдмана переселилась бы в мою квартиру.

Девушка улыбнулась и быстро оглядела мою комнату.

— Я тоже люблю старину.

— Вы, такая молодая?

— Что же из этого? Почему я не могу любить старинных вещей?

— Но молодость, обычно, не любит старины.

— Вы думаете? Но я, вероятно, исключение.

— Исключение подтверждает правило.

— Никаких правил в вопросе любви нет, — разумно и строго сказала она.

Я невольно улыбнулся такому решительному заявлению и сказал:

— Правильно, но в чем же состоит ваше дело?

— Мне нужны деньги.

— Деньги?

— Да.

— И вы пришли, чтобы я вам их дал?

— Да.

— Но при чем же тут господин Эрдман?

— Господин Эрдман мне рекомендовал вас.

— Так-так.

— Он сказал, что из всех своих клиентов вы самый надежный и самый благородный человек.

— Рекомендация хорошая.

— Господин Эрдман сказал, что если вы что-нибудь обещаете, то обязательно исполните.

— Гм...

— Когда я принесла к Эрдману свою вещь, показала ему и сказала, что могу продать эту вещь только под условием...

— Про какую вещь вы говорите?

— Вот про эту. — И с этими словами девушка развернула свою сумочку и достала оттуда маленький белый сверток. — Вот про эту, — проговорила она, — посмотрите.

Я взял в руки сверток, развернул бумагу и вздрогнул от неожиданности. Передо мной оказался браслет, сделанный в виде змеи. Работа была удивительная. Голова змеи была

так искусно сделана, что казалась живой. Я освободил браслет от бумаги и положил его на ладонь моей руки. Странное ощущение почувствовал я: мне казалось, что я держу живую змею. Рука моя задрожала, браслет зашевелился и ощущение живой змеи еще больше усилилось. Я положил браслет на стол и, бросив взгляд на девушку, заметил, что она внимательно смотрит на меня, как бы желая знать мои тайные мысли.

— Замечательная вещь! — воскликнул я. — Удивительная работа! Ценная вещь!

— И очень дорогая для меня, дорогая, как завет моей покойной матушки.

— Вы получили браслет по наследству от вашей покойной матери?

— Да.

— Как понимать ваши слова: «как завет моей матери»?

— Когда бедная мать была больна и больше уже не надеялась на выздоровление, она подозвала меня к себе, вынула этот браслет из футляра и, подавая его мне, сказала:

«Этот браслет — талисман. Не теряй его и не продавай. Он охраняет от несчастья. Держи его постоянно при себе. Если не можешь постоянно носить, то передай на хранение самому надежному человеку. Я получила этот браслет в приданое от моей бабушки, а бабушка от своей матери, а мать бабушки от одной старой гадалки. Тот, кто владеет этим браслетом, всегда получает то, чего он желает».

— И, несмотря на завет вашей матери, вы хотите расстаться с браслетом?

— Я не хочу расстаться, но я принуждена это сделать.

— Вы хотите продать его?

Девушка опустила глаза и немного подумала.

— Я не хотела бы его продавать, но мне очень нужны деньги, и притом немедленно.

— Значит, вы все-таки хотите продать?

— Да, но под одним условием.

— Каким?

— Если я через месяц возвращусь и принесу деньги, вы возвратите мне браслет.

— Так-так, — сказал я и стал внимательно рассматривать браслет, стараясь обдумать предложение девушки.

— Меня одно удивляет, — начал я после небольшой паузы, — почему не купил этот браслет господин Эрдман?

— Он не пожелал принять мои условия.

— Потому что они для торговца невыгодны, — прибавил я.

— Отчасти потому, что дело невыгодно, а главное потому, что в настоящее время у него нет свободных денег и через день самому нужно платить крупную сумму по векселю.

— Так-так.

— Узнав, что господин Эрдман денег дать не в состоянии, я спросила, не может ли он указать какого-либо любителя, которому можно было бы доверить браслет и на которого можно было бы положиться, что мои условия будут исполнены.

— И он рекомендовал меня?

— Да.

— Приятно слышать; но вдруг господин Эрдман ошибся?

— Не может быть! Господин Эрдман не ошибается!

— А все-таки! Может и ошибиться.

— Я знаю его уже давно. Он купил у нас много старинных вещей и часто бывал в нашем доме.

— Все это хорошо, милая барышня! Вы знаете господина Эрмана, но не знаете меня.

Девушка задумалась. Длинные ресницы почти закрыли глаза. Красивое лицо было печально и бледно.

— Мы первый раз видим друг друга. Что, если я окажусь не тем человеком, каким знает меня господин Эрдман?

— Не может быть, вы не такой человек, — тихо сказала незнакомка и, сделав неопределенное движение рукой, прибавила: — Я верю вам и думаю, что на дурное вы не способны.

— Спасибо за доверие, — сказал я и почувствовал, что краснею. Что-то приятное и теплое разлилось по моему существу. Какие-то невидимые нежные нити протянулись от

меня к моей незнакомке, и мне захотелось помочь ей во что бы то ни стало. — Хорошо, я согласен.

— Вот и хорошо! — радостно воскликнула девушка.

— Сколько вы хотите получить?

— Тысячу.

Я молча вынул деньги и положил перед незнакомкой. Она посмотрела на них, медленно взяла и положила в сумку.

— А теперь скажите мне ваше имя и адрес.

— Разве это необходимо?

— Конечно.

— А на что вам знать мое имя и адрес?

— Все может случиться: вдруг я заболею или умру, через месяц вы приедете за браслетом, а вам не выдадут, так как у меня не остается никаких записей. Зная же вашу фамилию, я могу записать, кому принадлежит браслет.

— Простите, но я думаю — вы не этого боитесь.

— А чего же?

— Вы боитесь, что вещь может оказаться краденой.

— Я этого не думаю и не мог подумать, чтобы именно *вы* могли принести мне краденую вещь — Я нарочно подчеркнул слово *вы*.

— Почему именно я не могла?

— Так, — сказал я и строго посмотрел на свою собеседницу.

Она смутилась, немного покраснела, опустила глаза и от этого стала еще привлекательнее. Я не спускал глаз с ее лица и уже позабыл про браслет. Я любовался своей собеседницей.

— Меня зовут Лидией Ивановной, а фамилия моя Норина.

— Лидия Ивановна Норина?

— Да.

— Очень приятно познакомиться.

— Хотите, чтобы показала вам паспорт?

— Нет, не нужно, Лидия Ивановна. А вот адрес скажите.

— Я через два дня уезжаю за границу, но если вам нужно знать адрес и все сведения насчет меня, то вы всегда можете получить их от господина Эрдмана.

— Благодарю вас, Лидия Ивановна. Если через месяц вы явитесь ко мне, то получите ваш браслет обратно, а хранить его я буду, как зеницу ока.

— А если не явлюсь?

— То браслет будет мой.

— Если это случится, то прошу вас, не продавайте его, храните его и подарите вашей жене.

— Я не женат.

— Вы холосты?

— Да.

— Ну, тогда будущей вашей жене, — поправила она, покраснела и опустила глаза, потом встала и протянула мне руку. Я крепко стиснул ее и на минутку задержал в своей, потом стал пожимать ее пальцы, что доставляло мне какое-то странное удовольствие.

— Вы уже уходите? Посидели бы.

— Благодарю вас.

— Посидите!

— У вас приятно, и я чувствую себя как дома, но мне надо спешить.

— Надеюсь, через месяц увидимся.

— Может быть.

— Простите, Лидия Ивановна, еще один вопрос.

— Спрашивайте.

— Вы были сегодня в кино?

— Была.

— На каком месте сидели?

— В самом последнем ряду. А почему вы это спрашиваете?

— Видите ли, я тоже был в кино, тоже сидел в последнем ряду и, кажется, рядом с вами.

— Рядом со мной! Странно, а я не заметила вас.

— Вы, пожалуй, и не могли заметить, так как лишь я увидел вас и обернулся к вам, вас уже не было: вы вышли до окончания сеанса.

— Да, это верно. Я почему-то не люблю картин, где действуют воры, разбойники, бандиты и убийцы. А картина как раз и изображала вора в спальне. Мне стало неприятно и я вышла.

— Ах, вот почему. А я думал...

— Что вы думали?

— Я думал, что, может быть, вам было неприятно сидеть со мной рядом и вы вышли.

— Что вы! Как можно было так подумать? — серьезно сказала Норина и вышла.

Оставшись один, я лег на диван и стал думать о случившемся.

«Странная встреча и странная девушка, какая-то особенная, — думал я, — умная, серьезная и красивая. Она нуждается, это ясно, раз продает дорогую вещь. Но для чего ей нужны деньги? Едет за границу. Зачем? Последние деньги тратит и едет. Значит, какое-то очень важное дело заставляет ее ехать. Какое же это дело? Надо будет разузнать. А какие у нее чудные глаза! А брови? Густые, черные. А губы? Тонкие, красные. А белые зубы? А волосы? А гибкая, стройная фигура?»

От всего ее существа веяло простотой, прирожденной грацией и изяществом. Какое-то неведомое очарование исходило от нее и покоряло мою бедную душу. Я как бы переродился. Я чувствовал себя радостным и веселым и с нетерпением ожидал завтрашнего дня.

II

Хотя я был уверен, что все сказанное мне Нориной была правда, но тем не менее, подгоняемый любопытством узнать некоторые подробности, на другой день я отправился к Эрдману и расспросил про свою вчерашнюю посетительницу. Оказалось, что Норина действительно получила браслет по наследству от своей матери, а деньги были нужны для какого-то важного дела, о котором Эрдман ничего не знал.

— Чудная девушка! — задумчиво проговорил он.

— Кто? Норина?

— Да, Норина. Она прекрасна не только наружностью, но прекрасна и душой. Это чистая, непорочная натура. Это бриллиант: блестит и переливается всеми цветами радуги; а какая крепость и сила! Попробуй разрезать! Так и Лида: сильный и крепкий характер.

Я молчал.

— Вот бы вам ее в жены: хорошая была бы пара, — неожиданно прибавил Эрдман и лукаво посмотрел на меня.

Я смутился и буркнул что-то невнятное.

— Что, небось понравилась? А? Что же молчите? Понравилась? — приставал Эрдман.

— Конечно, понравилась, — признался я откровенно.

— Я так и думал.

— Бриллиант всем нравится, — сострил я.

— Ну, положим, не всем, некоторые ценят в нем не то, что надо ценить. Но Лида действительно хорошая девушка.

— Немного сухая, — прибавил я.

— Лида-то сухая? Да что вы! Это она с вами деловой разговор вела, потому и показалась сухой. Но если бы вы слышали, как она смеется, радуется, шутит, танцует... да это само воплощение радости и жизни. Впрочем, в последнее время она стала почему-то серьезной и строгой.

— Откуда вы все это знаете?

— Как же мне не знать, когда много раз я бывал у них и знал ее еще маленькой девочкой.

— Вы знакомы с ее родителями?

— Знаком.

— Кто они?

— Ее отец — генерал русской армии. Мать здешняя уроженка: не то латышка, не то немка, — право, точно не знаю. Мать умерла года три тому назад. После смерти жены генерал уехал за границу лечиться, и теперь живет на одном заграничном курорте. Лида каждый год ездит к отцу, живет с ним около месяца и потом возвращается на родину. У генерала есть небольшое имение около города Ц. Говорят, имение лежит в очень живописной местности.

— Позвольте, вы говорите, что имение лежит около города Ц.?

— Да.

— Ну, так я слышал об этой местности. Мой приятель, доктор Хазе, часто рассказывал о ней и много раз приглашал приехать и полюбоваться окрестностями.

— Почему же не ехали?

— Все как-то не было времени.

— Ну, а теперь обязательно поедете, — лукаво проговорил Эрдман, — и найдете бриллиант.

— Может быть, — сказал я и вышел.

«Бриллиант, — думал я, направляясь к Бастионной горке, любимому месту моих прогулок. — Нет, не бриллиант, а загадка. Надо разгадать эту загадку».

Я долго ходил по аллеям Бастионной горки и думал об этой «загадке». За тридцать лет своей жизни я встречал много женщин, но ни одна не произвела на меня такого сильного впечатления, как Норина: неожиданно явилась, быстро исчезла и быстро завладела моими мыслями, чувствами. Я вспоминал наш разговор, встречу, разлуку, вспоминал каждую мелочь, и эти воспоминания были для меня приятными и печальными.

III

Прошло четыре недели. Был праздничный день. Я только что пообедал и хотел отдохнуть на диване, как раздался звонок у двери.

«Она», — подумал я и, как сумасшедший, бросился к двери. Но мой порыв оказался напрасным: пришел мой сослуживец Саша Дудин.

— Ты знаком с Марьей Ивановной Нейман?

— Немного.

— Пойдем к ней.

— Для чего?

— У Марьи Ивановны сегодня вечер.

— Меня не приглашали.

— И не нужно.

— Неудобно.

— Будут опять споры. У них всегда так: как соберутся — начнут спорить. Я очень люблю споры.

— А я нет.

— Почему?

— Так.

— Но все-таки сходим. Если не хочешь принимать участие в споре, можешь ухаживать за дамами, которых будет довольно много. Кстати, приехала твоя старая симпатия Вера Ивановна, она тоже там будет, можешь возобновить знакомство.

Я подошел к окну и задумался. Вера Ивановна была сестрой моего друга, доктора Хазе. Эта теперь уже немолодая девица некогда мне нравилась, и я тогда подумывал даже о женитьбе, но все как-то выходило, что в самый решительный момент я пасовал и не решался. Вера Ивановна была влюблена в меня. Я это знал, и она знала о моих чувствах к ней, и ожидала, что когда-нибудь я скажу свое последнее слово.

— Ну, что же, пойдем?

— Нет.

Саша рассердился и разразился целой речью:

— Так жить, как ты живешь, едва ли разумно. Ты не живешь, а умираешь. Ты чуждаешься общества, избегаешь женщин, не танцуешь, не пьешь, не играешь и не куришь. Что же ты делаешь? Сидишь дома, читаешь книгу, пишешь никому не нужные статьи, ешь, спишь, ходишь на службу, гуляешь и о чем-то мечтаешь, и так далее, и так далее, все одно и то же, все одно и то же. Каждый день похож на предыдущий и похож на будущий. Разве это жизнь? Это однотонное прозябание, медленное испарение человеческого духа, медленное засыхание человеческой плоти. Разве в этом есть хоть какой-нибудь смысл?

— Конечно, есть, — сказал я, подошел к нему поближе и повторил: — Конечно, есть.

Но Дудин увлекся и продолжал:

— Надо искать новых впечатлений и новых переживаний, надо обновлять свой дух, ум и сердце. Надо дорожить каждой минутой жизни и стремиться к радости и наслаждениям. Жизнь нам одна дана, надо пользоваться жизнью. Жизнь коротка, надо любить радость, хватать наслаждение и всегда помнить: «Умрешь, похоронят, и не был на свете...»

— Я люблю жизнь, люблю, может быть, более тебя и дорожу каждой минутой, каждой секундой. И прекрасно знаю, что человек с самого своего рождения неуклонно приближается к смерти; знаю, что жизнь коротка и надо жить, а не прозябать, только одного не знаю и не понимаю: почему нужно ловить радость и хватать наслаждения? Что же такое радость? Разве радуется и наслаждается не всякий по-своему? Разве не бывает, что одно и то же доставляет одному радость, а другому горе?

— Все это верно, и все это я знаю. И, пожалуйста, ты свою философию не разводи. Моего мнения о твоей скучной, нудной жизни ты не изменишь. И как ты ни объясняй, я останусь при своем мнении.

— И прекрасно, и оставайся, и оставь меня в покое. Каждый раз, как ты приходишь ко мне, ты заводишь одну и ту же речь, говоришь все об одном и том же. О времяпровождении, наслаждениях, радостях и... о женщинах. Женщины, женщины! Как будто нельзя прожить без женщин!

— Нельзя.

— Глупости, можно!

— Нельзя! Придет время, сам увидишь.

Я вспомнил Лиду Норину и подумал, что, пожалуй, Саша прав.

В это время в дверь постучали и в комнату вошла старушка-прислуга, принесла на подносе чай и булки. Мы замолчали и оба неприязненно посматривали друг на друга, каждый считая себя обиженным другим. Когда старушка ушла, первым заговорил я:

— Давай лучше пить чай, наш спор ни к чему не приведет. Мы опять поборемся, будем сердиться друг на друга. Если мы рассматриваем жизнь с разных точек зрения, то никогда не увидим одно и то же, и в одном и том же свете. Раз мыслим иначе, то никогда не поймем друг друга.

Но Саша нервно ходил по комнате и, казалось, не слушал меня, потом неожиданно остановился и сказал:

— Ты сказал, что в твоей жизни есть цель. В чем же цель твоей жизни? Для чего ты живешь?

— Я живу, чтобы действовать: трудиться, работать и своей деятельностью приносить пользу себе и другим. Я — эгоист, и прежде всего я тружусь для себя, для своего настоящего и будущего благополучия. Косвенно тружусь и для общества, и приношу пользу обществу. Так как добросовестно исполняю свои обязанности.

— Ну и исполняй! Что же тут особенного?

— Дорогой мой, труд — и только труд — дает смысл и цель нашей жизни: труд для личного и общественного блага.

— Говорят, что работа дураков любит.

— На земле живет много людей, но работает из них ничтожная доля, а большинство поедает то, что горсточка тружеников добывает своим трудом. Оглянись кругом, посмотри, понаблюдай, и ты легко можешь сосчитать, сколько трудящихся в нашем городе.

— Правильно, трудящихся мало: вот я и хочу тебя познакомить с таким обществом, где много говорят на эту тему, а посему пойдем к Марье Ивановне.

Марья Ивановна Нейман, на вечер которой звал Дудин, была женщина в некотором роде замечательная. Во время Мировой войны она вышла замуж за молодого офицера, князя К. С мужем прожила один месяц. Князь уехал на фронт, а Марья Ивановна поступила в госпиталь сестрой милосердия и некоторое время работала в ближайшем тылу фронта военных действий. Но работа сестры милосердия, видимо, была не по характеру молодой и веселой княгине. Вид крови и страшных ран, оторванных конечностей, разорванных брюшин, стоны искалеченных людей так сильно подействовали на нежные нервы веселой женщины, что она, как сама выражалась, заболела физически и душевно и возвратилась в Петроград, некоторое время просидев дома, никуда не выходя и никого не принимая. Единственный, кто имел доступ в ее квартиру, был один молодой человек, недавно окончивший одно из аристократических учебных заведений и, чтобы сохранить свое выхоленное тело от ран, уродства и пролития крови, по протекции важных родственников устроившийся в тылу армии в качестве военного чиновника.

Злые люди говорили, что Марья Ивановна, собственно, и возвратилась в Петроград из-за этого молодого человека. Слухи о неверности жены дошли до мужа, который в одно прекрасное, очень раннее утро неожиданно явился на свою квартиру и застал свою жену в обществе молодого военного чиновника. Князю стало так обидно, что он не мог совладать с собой: схватив какой-то тяжелый предмет, он начал учить свою легкомысленную супругу и ее друга. Молодой человек после такого внушительного учения заболел, умер и был съеден червями, а Марья Ивановна осталась жить, хотя долго жаловалась на боль в разных частях своего красивого тела.

После этого происшествия князь скрылся. Говорили, что он переименовал фамилию, сражался добровольцем, попал в плен, но проверить эти слухи было весьма трудно. А во время революции о князе совсем позабыли, и след его окончательно затерялся.

Оправившись от пережитых волнений, Марья Ивановна не изменила своего образа мыслей и поведения. Это была цельная натура, и такие трагические моменты другую бы окончательно надломил на всю жизнь, а на нее подействовали только как неприятные моменты жизни. Она по-прежнему была веселой и жизнерадостной. Ее очаровательная улыбка, веселый смех, ласковость и внимательность в обращении невольно заставляли влюбляться в нее даже пожилых мужчин.

Когда в России пала монархия и начался террор на знатных и богатых, Марья Ивановна, по совету одного умного и догадливого друга, поспешила скрыться за границу, захватив с собой все свои драгоценности.

Но вот тут-то и случилась такая страшная беда, о которой Марья Ивановна никак не могла забыть, и при одном воспоминании бледнела, краснела и зеленела, — словом, злилась так, как могла злиться эта женщина.

В одном из заграничных столичных городов она познакомилась с очень красивым молодым брюнетом, назвавшимся членом посольства Франции, маркизом де ла Ф. Познакомившись, она часто встречалась с ним и проводила время, что называется, весело. Но в одно мрачное туманное осеннее утро, встав со своего мягкого ложа, вдруг, к своему ужасу, Марья Ивановна убедилась, что ее бриллианты и золото бесследно исчезли. Кто мог украсть? Единственный человек, кто был у нее, — это маркиз. Она помчалась во французское посольство, потребовала свидания с маркизом, но в посольстве сказали, что такого человека не знают. Маркиз оказался обыкновенным жуликом, мошенником, международным вором, одним из тех, которые разъезжают по большим городам Европы и обворовывают богатых, глупых и доверчивых дам.

Это был самый трагический момент в жизни Марьи Ивановны. Она оказалась в один миг без куска хлеба. Ни денег, ни драгоценностей, ничего не было. Может быть, впервые за всю жизнь веселое лицо красавицы омрачилось тяжелой думой, а в любвеобильное сердце впервые закрался страх за завтрашний день. В эту минуту она, может быть,

впервые позабыла о любви. Какая тут любовь, когда надо думать о насущном куске хлеба: за порогом стоят нищета и голод. Но у Марьи Ивановны еще был большой капитал, о котором она в минуту растерянности и несчастья забыла: это ее красота. И, действительно, в скором времени нашлись такие ценители прекрасного, что готовы были положить у прекрасных ног Марьи Ивановны свое богатство и свою любовь.

И Марья Ивановна осталась веселой и жизнерадостной. Через два-три месяца она оставила тот город, где ее искренние чувства были грубо оскорблены, а бриллианты исчезли навеки, села в поезд и приехала в Ригу.

В скором времени Марья Ивановна перезнакомилась со многими представителями чиновничьего, финансового и политического мира, вышла замуж за очень богатого человека, некоего Неймана, зажила весело, беззаботно и радостно.

По-прежнему она была центром внимания мужчин и слепой ревности дам. Каждую субботу в ее обширной квартире собиралось разнообразное общество. Было интересно и весело...

Предложение моего сослуживца было как раз кстати. Во-первых, я вновь увижу Веру, а во-вторых, я буду иметь возможность порасспросить о Лидии Нориной, так как Вера, живя в городе Ц., хорошо знала окрестности и окрестных жителей. Вот почему я согласился и сказал:

— Хорошо, пойдем.

Через час мы уже звонили у дверей квартиры Нейманов.

Хозяйка встретила нас радушно, пригласила сначала в столовую выпить чаю, но Дудин, услышав, что гости уже в сборе и беседуют, решительно отказался от чаю. Чтобы не прерывать беседы, мы тихо вошли в гостиную.

В разных местах и в разных положениях сидело человек десять мужчин и дам.

Я быстро окинул взором присутствующих и заметил недалеко около окна, спиной ко мне, Веру. Я тихо поставил стул рядом с ней, с таким расчетом, чтобы Вера меня не ви-

дела. Убедившись, что мое прибытие прошло никем не замеченным, я стал наблюдать гостей и вслушиваться в их речи.

Разговор вели один профессор, доктор, адвокат и одна пожилая дама.

— Я хочу только высказать свое мнение о величии женщины и поделиться данными, которые я почерпнул, изучая этот вопрос по некоторым сочинениям, — говорил профессор сильным голосом.

— Вопрос очень интересный, особенно для дам, — сказал доктор.

— Я прежде всего занялся вопросом: кого мы называем великими людьми? Величие человека проявляется во всех разнообразных сферах человеческой деятельности, но общество называет великими только тех людей, которые проявили свою гениальность в области религии, политики, науки, искусства и военной деятельности.

— А какое же мерило для определения величия? — спросил кто-то из присутствующих.

— Мерила для определения гениальности и величия нет, все зависит от общественного признания.

— Чем же вы руководствовались для определения величия? — спросил доктор.

— Я взял энциклопедический словарь и стал выписывать всех известных миру великих и гениальных людей, распределяя их по полу и национальности.

— Но энциклопедический словарь не является авторитетом в области признания за человеком величия; здесь может быть субъективная оценка, далекая от научной истины.

— Я вполне с вами согласен, но другого источника и пути нет, поэтому я и поступил так. И вот, когда я выписал на бумагу всех великих, замечательных, талантливых или просто в свое время известных людей, я стал отыскивать среди них великих женщин, и, господи, к сожалению, не нашел.

— Разве совсем нет? — спросила пожилая дама.

— Одно-два имени, правда, есть, при этом величие их тоже сомнительно. Не было и нет великих женщин! Что это значит? Половина человеческого рода не могла выдвинуть из своей среды за все время существования людей на зем-

ле ни одного существа, проявившего величие своего духа.

— Женщина по своей природе не может проявить своих сил в некоторых сферах человеческой деятельности, как, например, военное дело, — возразила Марья Ивановна.

— Хорошо, я согласен. Но если исключить войну, то, кроме войны, для женщины остается огромное поле деятельности.

— Женщина долгое время находилась в полной зависимости от мужчины, была его рабой, до последнего времени в экономическом отношении зависит от мужчины, и едва ли от этой зависимости она когда-нибудь вполне освободится. Эта зависимость от мужчины, эта «несвобода» женщины не дала возможность ей проявить свое величие, свою гениальность, — с жаром проговорила старая дама.

— Но, господа, пусть, действительно, зависимость женщины сковала женский дух и мешала его развитию, — но, господа, есть две области, которые были доступны женщине, в какой бы зависимости от мужчины она ни находилась, — это религия и искусство. Разве женщина не могла заниматься живописью, музыкой, поэзией и другими видами искусства? Но разве мы имеем великих музыкантов, поэтов и художников из среды женщин? А религия? Кто же мешал женщине творить и создавать в этой области? Вы будете возражать мне и скажете, что женщина уже с самого дня своего рождения так воспитывается, что все ее творческие способности направляются иным путем. С этим я не согласен. Воспитание и обучение настоящего времени таково, что девочка имеет совершенно такую же возможность проявить свои способности, как и мальчик; тем не менее, великих женщин что-то не появляется. Правда, в последнее время сделано одно большое открытие женщиной, — я имею в виду открытие радия мадам Кюри, — но почти все остальные открытия и изобретения сделаны мужчинами, а не женщинами.

Мне приходилось беседовать с педагогами средних и высших школ о женском творчестве, и в большинстве случаев все отзывались о женских способностях, женском прилежании, усидчивости, трудоспособности, желании учиться, но

о женском творчестве особых похвал я не слышал. Я не хочу утверждать, но хочется сказать: как будто мать-природа сознательно не разрешает женщине проявлять свою гениальность. Я не враг женщин, и не считаю их ниже мужчин, наоборот, но я ищу только истину и не боюсь, если мои выводы и заключения многим из присутствующих здесь дамам не понравятся.

Наступило молчание.

— Василий Иванович, — обратилась неожиданно хозяйка к доктору, — что вы думаете о женских способностях и о женском величии?

Доктор подумал немного и сказал:

— Я полагаю, что женщины никогда не выдвинут из своей среды великих женщин, если только женщина останется тем, чем создала ее природа, то есть матерью своего ребенка. Все силы и способности ее духа уходят на создание будущего человека. Не может быть, чтобы существо, дающее жизнь гению, было существом низшего порядка.

Лица дам прояснились. Появились улыбки. Многие благодарно посмотрели на доктора.

— Мне кажется... — раздался вдруг тонкий и нежный голос около профессора. Все невольно посмотрели в ту сторону. Молодой, только что начинающий адвокат нервно переложил одну ногу на другую и, обхватив руками колени, продолжал: — Мне кажется, что великих или гениальных женщин даже во много раз больше, чем мужчин, только мы не видим их. — Он остановился и посмотрел, какое впечатление произвел своим столь неожиданным заявлением.

Все как-то странно задвигались и зашевелились. Дамы влюбленными, влажными глазами смотрели на молодого человека и с нетерпением ожидали, что он скажет дальше.

— А именно? — спросил профессор, улыбаясь.

— Я скажу даже больше: почти каждая женщина велика, если она мать. Природа создала ее быть матерью, а для этого женщине нужно найти друга, совместно с которым она могла бы создать нового человека. Все силы, все способности ее направляются в эту область. И величие каждой женщины проявляется тогда, когда она отыщет того человека,

который ей нужен для исполнения закона природы.

— Да здравствует женщина! — крикнул Саша Дудин.

— Браво! Браво! — закричали дамы.

В это время Вера инстинктивно повернулась в мою сторону и увидела меня. Удивленная и взволнованная, она смотрела на меня и то бледнела, то краснела. Я видел, что она дрожала и тяжело дышала: она увидела своего избранника, которого выбрала для создания будущего человека. Я взял ее руку, пожал ее и тихо сказал:

— Здравствуйте, Вера Ивановна.

Она что-то хотела сказать, но голос ей не повиновался, я чувствовал дрожание ее руки.

— Я хочу поговорить с вами, Вера Ивановна, — сказал я шепотом.

Она с трудом поднялась и зашаталась, я поддержал ее, взял под руку и медленно вывел в столовую. Мы сели рядом. Вера беспомощно опустила руки, потупила глаза и молчала. Мне было жаль ее, но она ожидала от меня не жалости, а любви, но любви у меня не было. Я молчал и изредка поглядывал на свою соседку. Положение было мучительное. Но вдруг скрипнула дверь, и прямо перед нами появилась Лида Норина. Она на минуту остановилась, посмотрела на меня удивленными глазами, немного как будто побледнела, потом перевела глаза на Веру и криво улыбнулась. Я вскочил и сделал шаг по направлению вошедшей.

— Здравствуйте! Я не помешала вам?

— Лида! — вскрикнула Вера и неестественно шумно бросилась обнимать вошедшую. — Как я рада, что встретила вас! Вот не ожидала!

— Я только на минуточку, — проговорила Лида, протягивая мне руку, — только на минуточку.

Я крепко сжал ее руку и долго не выпускал из своей, пожимая ее тонкие и нежные пальчики. Но Лида, казалось, не замечала моей проделки и спокойно сказала:

— Я, в сущности, пришла сюда из-за вас.

— Из-за меня? — протянул я, и какая-то смутная надежда чего-то неведомо-радостного и приятного шевельнулась в глубине моей души.

— Как! Вы разве знакомы? — спросила Вера.

— Да, познакомились недели четыре тому назад, так сказать, на деловой подкладке, — улыбнувшись, проговорила Лида.

Вера испуганно посмотрела на меня, потом перевела глаза на Лиду, потом опять на меня, и наконец, видимо, каким-то особым, присущим только женщинам чутьем поняла, что я, в сущности, интересуюсь больше Лидой, а не ею, Верой, и она, Вера, для меня чужая. Она вдруг как-то осунулась, подурнела и окончательно упала духом.

— Ну что же, — я мешать не буду, — медленно и тихо проговорила она и направилась к двери.

— Вера, подождите, не уходите! Я хочу поговорить и с вами.

Но Вера махнула рукой и медленно ушла.

Оставшись одни, мы некоторое время молчали: каждый думал свою думу. Потом Лида спокойно обратилась ко мне и спросила:

— Что такое с Верой? Почему она вдруг так неожиданно изменилась?

— Не знаю, Лидия Ивановна.

— Она что-то переживает.

— Возможно, что так, — подтвердил я и смело посмотрел в глаза своей собеседницы.

— Очевидно, она страдает.

— Возможно, что и страдает, но ведь у всякого свои страдания и свое горе, Лидия Ивановна.

— Да, это верно. Вот и я пришла к вам со своим горем!

— Вы — со своим горем?!

— Да. Дело в том, что я обещала через месяц явиться к вам и выкупить мой браслет, но обстоятельства так сложились, что денег у меня нет и браслет выкупить я не могу. Это меня сильно угнетает.

— Напрасно беспокоитесь.

— Нет, не напрасно. Дело в том, что теперь и в будущем не предвидится возможности собрать ту сумму, которую я должна вам.

— Но я же вам дал слово, что продавать браслет не буду.

— Да, я знаю это.

— Но в чем же дело?

— Видите ли... я хотела... может быть...

— Знаете, Лидия Ивановна, — что нам говорить о деле в таком неудобном месте, лучше приходите ко мне завтра в пять часов вечера. Там у меня в квартире, наедине, мы решим окончательно, как поступить с браслетом. Я думаю, что не будет ничего худого, если вы опять придете ко мне: ведь мы же с вами люди без предрассудков.

— Я охотно приду и, если обстоятельства позволят, то приду именно завтра в пять часов.

— Ну а теперь пойдемте к остальным гостям и будем слушать беседы на современные темы.

Когда я возвратился в гостиную, разговор происходил все на ту же тему. Говорил опять профессор.

— Наука, религия, история народов древности свидетельствуют, что женщина всегда отодвигалась на второстепенное место в жизни. Что же мы видим теперь? Наша эпоха не ставит женщину на задний план, а наоборот, выдвигает вперед и ставит на пьедестал, и женщина царит в семье, в обществе и государстве!

— Я, по крайней мере, не вижу, что это царствование действительно было заметно, — проговорила старая дама.

Но профессор, увлеченный своими мыслями, продолжал:

— Женщина победила семью, победит государство и все заставит служить своим целям. Да и теперь уже почти все служит женщине! То, что мужчина добывает потом, кровью, мозгом, преступлением, — все служит женщине, ее прихотям, ее капризам, ее роскоши. Миллиарды тратятся на женские украшения. Чему служат эти украшения? Сотни миллионов людей добывают и готовят эти украшения, другие сотни придумывают новые и новые! А для кого? Взгляните на эти бриллианты, жемчуга, — это слезы миллионов несчастных, искалеченных горем, страданиями и лишениями. А мы, мужчины, что делаем? Протестуем? Нет. Стремимся ограничить жажду женщин к украшениям? Нет! Нет! Нет! Мы поем дифирамбы и хвалебные песни женщине! Кого воспевают поэзия? Женщину и любовь. Кого изо-

бражает искусство? Женщину и ее красоту.

— Чего же тут плохого? — спросила Марья Ивановна.

— А плохо то, что, благодаря всему этому, в обществе исчезло чувство настоящей любви, и вместо него царят чувственность и разврат.

— Вы говорите это таким тоном, как будто сами много претерпели от женщин и теперь стали их врагом.

— Нет, я не враг, напротив, друг. Я протестую против неправильной жизни и возмущаюсь, что среди женщин нет лиц, которые видели бы вред всего этого. Сама женщина должна понять и найти правильный путь, и занять то подобающее ей место, какое даровала ей мать-природа.

— Итак, господа, я пока еще не забыла своих женских обязанностей, поэтому прошу всех к столу! — воскликнула хозяйка и встала.

Предложение хозяйки, видимо, всем понравилось, так как все встали и пошли в столовую. Я стал отыскивать Лиду, намереваясь сесть за стол с ней рядом, но нигде ее не заметил. Я намеренно не занимал места, надеясь, что Лида придет и я сяду за стол с ней рядом, но она куда-то исчезла. Я осмотрелся и заметил, что и Веры нет, и она куда-то исчезла. Так, не простившись со мной, обе ушли домой. Это показалось мне странным и я не знал, как это объяснить.

IV

Возвратившись домой, я сел за стол, намереваясь немного поработать, но из работы ничего не выходило. Все мои мысли вертелись около Лиды. Лида, Лида! Она опять придет ко мне со своим горем. Как мне принять ее? Что ей сказать? Что надо сделать, чтобы утешить ее? Я спрашивал себя, но уже наперед знал, что сделаю. Я возьму браслет, положу перед ней и скажу: «Вот ваш браслет, дорогой для вас, как память о вашей матери. Возьмите его опять к себе. Я дарю его вам. Вы спросите, почему я так поступаю? Я не знаю — почему, но мне хочется сделать вам приятное, сделать маленькую радость, Я хочу, чтобы вы были спокойны и счастливы!»

Лида, Лида! Бедная девушка! Как я хотел бы помочь тебе и сделать счастливой!

Как помочь? Дать ей богатство? Но разве в богатстве счастье?

О, богатство, богатство! Богатство дает все блага жизни, дает свободу и независимость. В наш материальный век, когда всюду царит золотой телец, богатый за деньги может получить все, что пожелает. Люди стремятся к богатству, но не знают, как достигнуть его: жадно и судорожно протягивают руки, но не могут взять его. Многие пробуют достигнуть его, но не достигают, многие думают о нем, но ничего не могут придумать, многие бросаются на преступления, но погибают. И чего только не совершается на земле из-за богатства: убийства, предательства, воровство, измена, любовь, добродетель, ложь, разврат, гений, наука и поэзия, — все служит богатству.

Необъятное море человеческой крови пролито из-за богатства. Миллионы людей погибли и погибают ежегодно. Тысячи багряных маленьких ручейков, сливаясь в небольшие речки, постоянно несут драгоценную человеческую кровь, пролитую из-за богатства. И прав Скупой рыцарь, когда, рассматривая свое накопленное золото в подвалах, воскликнул: «Да! Если бы все слезы, кровь и пот, проли-

тые за все, что здесь хранится, из недр земных все выступили вдруг, то был бы вновь потоп — я захлебнулся б в моих подвалах верных!»

А если бы собрать пот и кровь всего мира, то был бы вновь всемирный потоп.

Бедная Лида! Как я хотел бы сделать тебя счастливой! «Да неужели я ее люблю?» — задал я себе вдруг вопрос. О, я не знаю, что это было за чувство в моей душе, но это чувство было такое приятное и особенное, что я не мог бы описать его! Его надо испытать!..

С приятной мечтой, веселой надеждой и радостными мыслями лег я спать и скоро заснул крепким сном здорового человека.

Квартира, где я жил, состояла из пяти комнат и кухни. В комнатах было много разной мебели, картин и других предметов. Хозяйство мое вела старушка, моя бывшая няня. Анна Ивановна Ларионова жила в нашей семье больше сорока пяти лет. Я так и называл ее по привычке «няней». Отец мой умер, когда мне было пять лет, а мать три года тому назад, когда я был на последнем курсе университета. С тех пор я остался круглым сиротой, всецело на попечении моей бывшей няни. Родных не было, поэтому няня была моим самым близким и дорогим человеком. Я любил ее, как свою мать, а она меня, как своего сына. Хотя няня была уже старая, тем не менее, исполняла в доме все работы: она была и кухарка, и посудомойка, и горничная, и беловшивейка; мыла, шила, варила, чистила. С раннего утра до позднего вечера копошилась в квартире и что-нибудь делала. Когда однажды она заболела и я хотел нанять другую прислугу, то больная стала просить не делать этого: «Болезнь-де скоро пройдет, и опять все пойдет по-старому». Так оно и вышло. Через три дня старушка встала с постели и опять принялась за домашние работы.

Квартиру держала она в отменной чистоте и порядке. Предметы и вся мебель были расставлены так, как были расставлены при жизни матери. И всякий, кто приходил ко мне, обычно говорил: «Как у вас тут уютно». А иногда прибавлял: «Всего у вас вдоволь».

«Да, — думал тогда я, — все есть; одного нет: нет жены». А жениться я собирался уже давно, но не было невесты, то есть невест-то и много было, но не было такой, какую я мог бы полюбить, полюбить искренне, на всю жизнь. Но что такое любовь, я не знал. Я думал, что в любви только радость и нет страдания. И вот теперь, познакомившись с Лидой, я стал испытывать какое-то томительно сладостное и мучительно радостное чувство, которое захватывало всю мою душу. В сущности, я Лиду мало знал, но меня тянуло к ней, и эта тяга была такой приятной, какой я еще нико-

гда не испытывал. А когда Лида обещала опять прийти ко мне, я понял, что и она тоже стремится ко мне, поэтому от этой встречи ожидал многого: может быть, это будет самый решительный момент в моей жизни.

На другой день я проснулся очень рано и стал готовиться к встрече Лиды. Осмотрев квартиру, я решил, что не все в ней в порядке и не все отвечает изысканному вкусу. Надо было навести порядок. Я начал переставлять мебель и вещи и скоро убедился, что стало еще хуже. Бегая из одной комнаты в другую, я нервничал и даже раз закричал на няню, чего никогда раньше не делал.

Няня лишь качала головой и недоумевала. Она только спрашивала, для чего же нужна такая перестановка, но я не отвечал. Она ворчала, сердилась, а я продолжал давать приказания. Тогда няня решила, что, очевидно, должно произойти что-то важное, раз я так стараюсь все привести в порядок, и молча стала помогать мне в работе.

Наконец, измучившись, я присел на диван и задумался. Все мысли мои витали около Лиды. Я стал воображать, как я поведу Лиду по комнатам и покажу свою обстановку, полученную мною в наследство от матери, и как Лида, восхищенная красивой мебелью и уютом, повернет ко мне радостное лицо и выразительно посмотрит на меня своими черными глазами. Что, если в них будет выражаться любовь? Что тогда? О... Я не могу и представить себе, что тогда я сделаю...

Было уже два часа. Я наскоро пообедал и стал заниматься туалетом; посмотрев в зеркало, я убедился, что не совсем гладко выбрит, поэтому первым делом надо было побриться. Но эта нелюбимая мною операция принесла новое огорчение: я нервничал и потому довольно глубоко порезал лицо около подбородка и на щеке. Кое-как приостановив кровотечение и dokonчив бритье, я вымылся и стал одеваться. Какой костюм надеть? Надо выбрать костюм к лицу. Сначала надел черный — нет, нехорошо. Надел коричневый — тоже нехорошо. Наконец надел серый, но серый не подходил к сезону. Пришлось опять надеть черный. Я вертелся перед зеркалом, как вертится кокетливая женщина: то одно

неладно, то другое нехорошо, надо исправить то, надо изменить другое.

Часы показывали четыре. Остался один час до прихода. Я открыл окна, проветрил комнаты, потом стал брызгать одеколоном, чтобы был хороший запах. Вот уже без десяти минут пять. Волнение мое усилилось, слух обострился, и малейший шум около дверей заставлял меня вздрагивать. Скоро пять часов. Сейчас придет: она знает свое время и раз обещала, то и придет в пять. Вот и пять часов. Никого нет. Три минуты шестого: шорох у двери, я бегу и открываю дверь — никого нет. Странно. Десять минут шестого: кто-то поднимается по лестнице. «Она», — думаю, и открываю дверь: опять ошибка, — это сосед возвратился с прогулки. Я сержусь и волнуюсь. Полшестого — нет. Ожидание мое достигает апогея. И вдруг звонок в нашу квартиру. Я бегу к двери, как сумасшедший, быстро открываю дверь и... о, ужас! Передо мной стоит не Лида, а Саша Дудин, с которым я был у Марьи Ивановны.

Пораженный от неожиданности, я стою и молчу. Вероятно, физиономия и весь мой вид были настолько комичны, что Саша начал громко смеяться. Его смех быстро отрезвил меня, и я сообразил, что надо Сашу как-нибудь прогнать, иначе вечер будет испорчен.

Я стал говорить, что принять его не могу, так как собираюсь немедленно идти к своим знакомым.

— К каким знакомым? — спросил Саша. — Ведь ты, кажется, вообще мало куда ходишь!

Я смутился и молчал.

— Ну, куда идешь?

— Не скажу.

— Что за тайна?

— Так, не скажу.

— Ну, хорошо, одевайся, я тебя провожу немного, до угла.

— Но... я... я еще не собираюсь уходить.

— Ну, батенька, у тебя действительно тайна. А может быть, ты сам ждешь кого-нибудь? И то правда! Ах, вот оно что! — протянул Саша и разразился таким громким смехом,

что, наверное, потревожил всех жильцов нашего мирного дома. Я рассердился и перед самым носом Саши захлопнул дверь.

Было уже сорок минут шестого, а Лида не появлялась. А вдруг не придет? Я поминутно вынимал часы и узнавал время. Вот уже шесть. Вот и полседьмого: значит, не придет.

Мое приподнятое настроение сменилось унынием. Почему не пришла? Какая причина? Странно, как стало скучно в квартире. Тоска защемила сердце. К чему были все эти приготовления? Зачем волнение и тревога? Может быть, она совсем не интересуется мною, как человеком? Может быть, в ее сердце нет и тысячной доли той симпатии, какую чувствую к ней я? Не лучше ли забыть эту девушку? Забыть? Нет, это уже было невозможно! Я был несчастен и горько страдал весь вечер. И ночь прошла без сна, и утро не принесло утешения.

Началась прежняя однотонная жизнь. Проходили дни, недели, месяцы: я работал и жил по-прежнему, но Лиду ни разу не встретил.

VI

Прошло еще четыре месяца. Наступила осень. Однажды, открывая письменный стол, я увидел маленький ящичек, в котором лежал браслет Лиды. Открыв крышку и вынув браслет, я стал рассматривать его.

«Этот браслет приносит счастье», — припомнились слова Лиды. «А вот мне браслет приносит горе», — подумал я и посмотрел на браслет еще раз. Я положил его на белый лист бумаги и задумался. Кто носил этот браслет? Что это было за счастье, которое принес браслет бабушки Лиды? Я повернул браслет так, что голова змеи направлялась в мою сторону. Глаза змеи смотрели на меня, как живые. Казалось, что змея ползет ко мне навстречу. Впечатление было так ярко, что я быстро положил браслет в ящик и замкнул его на ключ.

Лида, Лида! Зачем ты явилась ко мне? Зачем нарушила покой моей жизни? Зачем заронила семя надежды на счастье? Зачем заставила страдать мою душу? Зачем нарушила слово? Зачем так скрылась неожиданно?.. Да, скрылась! Куда скрылась? Надо было бы узнать, что же случилось с ней! Что заставило нарушить данное обещание? Может быть, случилось какое-нибудь несчастье, а я вот сижу да упрекаю. Надо же действовать! Действовать! Действовать! Вот что надо делать! Я подскочил, как ужаленный, быстро оделся и побежал к Эрдману. Но Эрдман ничего не знал. Я пошел к Марье Ивановне в надежде встретить у нее кого-нибудь, кто знает что-либо о Лиде, но у Марьи Ивановны ничего не знали. Я обегал всех знакомых, которые могли бы знать что-нибудь о Лиде, но ничего не узнал.

Странно. Неожиданно появилась и неожиданно исчезла. Исчезла, как в воду канула. Что было делать? Куда еще сходить? И вдруг пришло на ум: «Не уехала ли она в деревню?» Несомненно, догадка моя была справедлива, так как вместе с Лидой тогда исчезла и Вера, а имение Лиды было недалеко от города, где жила Вера с братом. Итак, Лида, вероятно,

в деревне и живет недалеко от Веры. Не съездить ли и мне в деревню, тем более что доктор Хазе много раз просил меня об этом?..

И вот я стал готовиться к отъезду. Прежде всего надо было получить отпуск со службы. Это удалось быстро. Потом надо было купить высокие охотничьи сапоги, так как Хазе приглашал меня на охоту. Обегав полдесятка сапожных лавок, я наконец получил и сапоги. Ружье, дробь, пули, охотничья сумка и другие принадлежности у меня остались в наследство от отца. Таким образом, все снаряжение охотника было готово. Положив в сумку ножик, спички, иголку с нитками, карманный электрический фонарик и три запасных батареи к нему, я облачился в охотничьи доспехи и хотел уже отправиться на вокзал, как вдруг почему-то вспомнил о браслете.

«Если Лида живет в деревне, то следовало бы взять с собой браслет и, при первом свидании, подарить его ей. Она так дорожит им и будет очень рада получить его обратно».

Открыв ящик и вынув браслет, я стал раздумывать, куда его положить: в пиджачный карман или в охотничью сумку. Но сумку могут дорбгой украсть, а из кармана можно уронить и потерять. В то время, когда я стоял в нерешительности, держа браслет в руке, мне показалось, что кто-то постучал в дверь. Я подошел к двери и, открыв ее, убедился, что никого за дверью не было. Взглянув на стенные часы, я заметил, что до отхода поезда оставалось только двадцать минут.

— Скорее! Скорее! — услышал я знакомый голос. Я быстро обернулся: никого. Что такое со мной? Чей же это голос? Я где-то слышал его! Но надо спешить на поезд!

Вот я и на улице. Крикнув извозчика, я велел ему ехать на вокзал как можно скорее. Но извозничья лошадь еле-еле бежала мелкой рысью. Я поминутно подгонял извозчика, который добросовестно стегал лошаденку кнутом, но лошадка только подскакивала, мотала хвостом и продолжала бежать по-прежнему.

Оставалось уже шесть минут до отхода, а мы находились еще далеко от вокзала. Случайно мимо нас проехал ав-

томобиль и остановился на углу улиц Вольдемара и Елизаветинской. Сунув извозчику в руку деньги, я соскочил с пролетки, подбежал к шоферу остановившегося автомобиля и велел ему самым быстрым темпом ехать на вокзал. Шофер оказался умелым, развил большую скорость и, ловко увиливая от встречных и поперечных проезжающих, быстро доставил меня на вокзал.

Поезд уже отходил, когда я выбежал на перрон и на ходу вскочил в первый вагон. «Слава Богу: поспел!» — подумал я и вошел вовнутрь вагона. Отыскав свободное место, я сел и стал думать о своем путешествии. Как-то встретят меня Вера? Доктор Хазе? Лида?

По мере приближения к месту моего путешествия, я становился все нетерпеливее и беспокойнее. Мне казалось, что поезд идет медленно, а часы показывают неправильное время. Я поминутно высовывался из окна, стараясь определить, как далеко осталось до города Ц. Но вот наконец и он. Поезд останавливается, и я выскакиваю из вагона, сажусь на извозчика и велю ехать к доктору Хазе.

Хазе был очень рад моему приезду, обнял, поцеловал и заявил, что на другой же день отправится со мной на охоту. Вера встретила сухо и холодно и всячески избегала оставаться со мной наедине, а вечером вдруг неожиданно ушла к подруге, заявив, что вернется только на другой день вечером. Это была явная демонстрация недоброжелательства к моей особе, но я решил не обращать на это внимания.

Мы решили, не теряя драгоценного времени, рано утром отправиться в лес. Но наш план был неожиданно нарушен: с отдаленной деревни приехал крестьянин и стал просить доктора ехать скорее к его больной жене. Отказать пациенту было нельзя, и доктор уехал, посоветовав не дожидаться его, а одному сходить и пострелять дичь. Но меня интересовало другое: я хотел поскорее найти имение Лиды и узнать, там ли она.

VII

Проснувшись утром довольно рано и открыв окна, я заметил, что небо покрыто темными тучами; дул легкий, прохладный ветер. Все предвещало дождь и слякоть, но я не оставил своего намерения, взял ружье, надел сумку и пошел в лес.

Я бродил час-два, но никакой дичи не заметил; ружье мое оставалось заряженным, а ягдташ пуст. Очевидно, день был неудачным для охоты.

Решив немного отдохнуть, я сел на пенек около старой ели и огляделся кругом. Могучие ели высоко-высоко протянули свои остроконечные верхушки и тихо шевелили ветвями и, казалось, шептали какую-то повесть. О чем говорили они? Вот вдаль закуковала кукушка. Тоскливо и уныло раздавался ее голос. О чем плачет кукушка? О чем ее горе? Вот прямо передо мной выскочил серенький зайчик. Я невольно схватил ружье и уже хотел навести на зайчика дуло, но остановился. Глупый серенький зайчик мирно уселся на кочку и не замечал опасности. «Стрелять или нет? — пронеслось в голове. — Конечно, нет! Разве можно убить это милое и красивое животное, не причинившее мне никакого зла!»

А вот есть люди, которые убивают этих невинных созданий, да и не только животных, а и себе подобных...

Что-то делает теперь Лида? Но где, в сущности, она живет? У Хаза я не спросил; Вера ничего не сказала.

Случилось так, что к Лиде приходилось идти не сегодня, а завтра.

Вдруг резкий, пронзительный крик раздался в густой чаще леса. Я схватился за ружье и вскочил на ноги. Держа ружье наготове, я быстро шел по тому направлению, откуда раздался крик. Раздвигая ветки, я зорко смотрел вперед, стараясь определить, что такое случилось. Прошло минут десять-двадцать, но ничего особенного не заметил, и крик больше не повторялся.

Вот опять небольшая полянка. Стал накрапывать дождик. А как далеко я от дороги? Надо определить, как далеко я ушел от города. Но где же дорога? Не сбиться бы с пути! Лес незнакомый, можно заблудиться.

Опасения мои оправдались: я потерял дорогу и заблудился. Я поднял глаза вверх, стараясь определить местоположение солнца, а по положению солнца и город, и дорогу, но небо было покрыто черными дождевыми тучами и солнца не было видно. Я стоял в нерешительности. Куда идти? Где же дорога?

Часы показывали уже четыре. Скоро начнет смеркаться. Дождь усиливался. Дальше оставаться в лесу становилось неприятным и ненужным.

«Пойду прямо», — решил я и пошел. Шел-шел, а дороги нет. Свернул направо; снова шел-шел, а дороги нет. Вот небольшая тропинка. Пошел по тропинке, но дороги нет. Свернул налево; шел-шел, а дороги нет. Куда же, наконец, идти?

Но вот слабый огонек мелькнул вдали и исчез. Я пошел по направлению огонька.

Дождь лил как из ведра. Я промок до костей. Ноги мои то и дело попадали в лужи, но я храбро шагал по воде и шел прямо по тому направлению, где вдали, между деревьями, мелькнул огонек. Становилось все темнее и темнее. Уже нельзя было различить ближайших деревьев и кустов, на которые я то и дело наталкивался.

Вот опять мелькнул огонек и потух. «Странно, как будто дразнит, — подумал я, — покажется на секунду и исчезнет».

Ноги мои стали вязнуть в сырой почве и скоро я с трудом стал вытаскивать их. Очевидно, я попал в болото. «А что, если завязну?» Но нет. Вот почва стала плотнее, а деревья реже...

Измученный и голодный, я еле-еле подвигался вперед. Наконец я наткнулся на какой-то забор.

«Слава Богу, жилье близко, — подумал я и стал перелезать через забор. — Если забор, то поблизости живут люди, авось и приют дадут».

Через некоторое время я действительно заметил, что справа от меня находится какая-то постройка. Я подошел к ней и прислонился к стене. Теперь уже была некоторая защита от непогоды. Я вздохнул свободнее и немного присел на землю, чтобы отдохнуть от усталости.

Здание, около которого я находился, казалось каким-то странным. Когда после отдыха, ощупью, я стал обходить его, то оно оказалось круглым. Очевидно, это не было жильем человека. Где же? Но вдруг вблизи меня раздался жалобный стон, полный тоски и муки. Я насторожился. Потoki дождя с шумом падали с крыши и разливались по мокрой земле. Опять стон. На этот раз слышнее. Я стал прислушиваться. Опять стон. Моя усталость исчезла, я почувствовал себя сильным и бодрым. Но вот прямо передо мной опять мелькнул огонек.

«Пойду на огонь, там люди, а где люди, там и жилье». И действительно, через две-три минуты ходьбы я подошел к какому-то зданию. Это был жилой дом, так как вода стекала через трубы, и я нащупал небольшую террасу, двери и окна. Наконец-то жилье человека!

Я стал обходить вокруг дома, который оказался очень большим. Найдя дверь, я стал стучать, но мой стук был напрасным. Никого не было слышно, только потоки дождевой воды с шумом и визгом выливались через трубы. Я повторил стук: опять никого. Я пошел опять вокруг дома и нашел другую дверь. Опять стал стучать и опять никто не отозвался на мой стук.

Тогда я решил, что в доме никто не живет: это, может быть, какая-нибудь дача, жильцы которой уже уехали. Но откуда же мелькал огонек? Где-нибудь нужно же найти ночлег? Отыскивать другое жилье я не решался, так как сильно устал и не хотел тратить понапрасну свои силы. Не лучше ли как-нибудь проникнуть в этот пустовавший дом? Конечно, это был пустовавший, потому что если б в нем жили люди, то, несомненно, они услышали бы мой многократный стук.

Я стал опять медленно обходить вокруг дома и ощупывать наглухо заколоченные окна. И вот, ощупывая одно ок-

но, я заметил, что оно было прикрыто ставнями, причем ставни не совсем плотно прилегали друг к другу. Всунув в щелку ствол ружья, я немного приподнял одну ставню и открыл ее. Это обрадовало и обнадежило меня. Так как окно было низко, а глаза мои уже привыкли различать в темноте, то я увидел, что и половинки рамы не совсем плотно прилегают друг к другу. Вероятно, и окно, и ставни были закрыты наспех и плохо.

Я вытащил из кармана ножик и, засунув конец его в расщелину между рамами, отделил их друг от друга, и окно было открыто.

«Великолепно», — мелькнуло у меня в голове и, недолго думая, я ухватился руками за подоконник, приподнялся и влез вовнутрь комнаты, предварительно поставив туда же и ружье. На меня пахло запахом жилого дома и теплотой.

«А вдруг здесь живут люди? Вот будет оказия! Пожалуй, примут за бандита».

Я стоял и прислушивался. Все было тихо, только слышался шум падающих капель дождя.

«А все-таки, на случай, надо дать знать о себе. Надо постучать».

Я взял ружье и сильно постучал о пол: никого.

«Пусто, — подумал я. — Хорошо бы достать лампу».

И только теперь, при этой мысли, я вспомнил, что в моей сумке лежит электрический фонарик и даже три запасных батареи.

«Ну и голова же у меня! Свет рядом, а я не помню. Сколько перетерпел мучений благодаря своей забывчивости».

Через несколько минут, приведя фонарик в порядок, я осветил комнату и остолбенел от неожиданности: я находился в спальне. Постель была в таком порядке, будто обитатель комнаты только что вышел. Я смутился и не знал, что делать. Вылезать вон из комнаты и опять идти в дождь и слякоть не хотелось, но встретиться лицом к лицу с хозяином комнаты при таких исключительных обстоятельствах было тоже не из приятных и крайне нежелательно. Я опять постучал и опять никто не отозвался на мой стук.

«А, будь что будет! Останусь», — решил я и подошел к

двери. При свете карманного фонаря я увидел, что в дверях торчит ключ. Потрогав ручку двери и осторожно пробуя открыть дверь, я заметил, что дверь была замкнута — и замкнута изнутри. Это успокоило меня и навело на мысль, каким же образом мог жилец выйти из комнаты, раз ключ замкнутой двери остался внутри: ясно, что через окно, потому оно и не было надлежащим образом закрыто. Значит, в доме действительно никого нет.

Ну, что же, пожалуй, и к лучшему. Успокоившись, я стал приготавливаться к ночлегу: снял с себя мокрую одежду и грязные сапоги и подошел к кровати.

Странное чувство овладело мной при виде откинутого одеяла и белых подушек. Кто спал здесь? И почему быстро оставил кровать и вышел таким необычным способом? Ложиться или нет? Конечно, лечь, не стоять же целую ночь на ногах. Покрыв кровать одеялом, я лег и вытянул усталые ноги. Было тепло, приятно и пахло духами. Чувство несказанного блаженства разлилось по всему моему усталому телу, и скоро веки мои сомкнулись и я заснул крепким сном усталого человека.

VIII

Но вот около двери раздался стук, и я проснулся. В соседней комнате были люди: слышались шаги и слова. Я быстро соскочил с кровати, босиком подошел к двери и стал прислушиваться.

Разговаривали двое. По их грубым и сирым голосам, тону речи и отдельным словам я понял, что это были мужчины и притом пьяные.

— Выпьем еще по стаканчику!

— Не хочу.

— Почему же не хочешь?

— Так, не хочу.

— Эх ты, нюня-парень, уже и нос повесил. Все думаешь об этой девушке? Полно, брось думать, лучше выпей!

— Пей сам, а меня оставь в покое.

— Да как же оставить в покое, когда ты сам себя не оставляешь! Говорил же я тебе: покончим с ней, а ты — нет, вот теперь и думай.

— Убить человека тебе ничего не стоит, а по-моему, зачем убивать, когда и без убийства можно получить то, что хочешь!

— Но она все равно помрет, а мы напрасно теряем время.

— Нет, не напрасно. Еще день и она развяжет язык: скажет, где спрятаны бриллианты и золото.

— А если не скажет?

— Не скажет, помрет.

— Слушай, Альберт! Девушку все равно надо прикончить, даже тогда, когда она скажет то, что мы от нее требуем. Может быть, она действительно не знает, где спрятано золото, тогда зачем же тянуть так долго дело! Нам каждый час дорог, надо бежать, а то может случиться, что и поймают.

— Чего бояться? Всем известно, что в доме никто не живет. А соседи далеко, три километра отсюда.

— А вдруг кто и приедет? Сам же ты говорил, что недавно кто-то ходил около дома, и ты слышал стук.

— Может быть, мне почудилось — ветер стучал, вот я и подумал, что человек.

— Ветер, не ветер, а все-таки испугался — в погреб побежал и к защите приготовился. Шкуру нам свою надо спасать, вот что надо делать! Ну, давай же выпьем!

Слышно было, как наливали водку и пили.

Я, признаться, немного испугался, когда узнал, что за люди находились в соседней комнате. Преступники, совершив какое-то преступление, готовились к другому. Остаться в доме нельзя было ни минуты. Тихо-тихо подошел я к кровати. Медленно и осторожно обул сапоги. По счастью, на сапогах были резиновые подошвы, поэтому можно было неслышно ступать по полу. Так же осторожно и тихо надел мокрый костюм и накинул охотничью сумку.

Преступники продолжали разговаривать, но я уже больше не слушал их, на цыпочках подходя к окну и спускаясь вниз. Спуск оказался удачным. Преступники ничего не заметили и не услышали.

Осторожно прикрыв окно и ставни, я на минуту задумался: куда идти? Не знаю почему, но я повернул налево и тихо пошел прочь. Ружье, на всякий случай, держал в руках.

Не прошел я и двух-трех минут, как опять услышал стон и, как будто, плач. Я остановился. Ясно, что где-то стонет жертва этих негодяев. Вот опять жалобный стон.

Я медленно пошел по направлению звука и скоро наткнулся на то странное круглое здание, около которого уже был раньше. Жалобные стоны стали слышнее. Они хватали за сердце и болью отдавались в моей душе. Уйти прочь, не обратив внимания на стоны, было бы преступлением. Надо помочь!

— Помочь, помочь! — твердил я. — Но как?

Сжав ружье крепче, я стал обходить вокруг круглой постройки. Не зажечь ли фонарик? Нет, не надо. Преступники могут заметить. Но если зайти за противоположную часть здания и зажечь фонарь, то опасности не будет.

Вот опять мелькнул огонек. Теперь мне многое стало понятным. Огонек мелькал из только что оставленного мною дома. Где-нибудь в ставнях было отверстие, и кто-нибудь в

доме проходил с огнем по комнате. Направление огонька помогло мне определить положение и найти противоположную часть здания. Я вынул фонарик, обернул его для предосторожности носовым платком, чтобы не было так ярко, и зажег. Оказалось, что я стоял около какой-то часовни, так как вверху, около двери, была прибита икона, а на дверях нарисован крест. Вот опять надрывающий душу стон и тихий-тихий плач. Кто-то стонал в самой часовне.

Я подхожу к двери и пробую открыть: заперта. Я нажимаю ее плечом: не поддается. Стоны все слышнее и слышнее! Нервы мои напряжены до крайности, но я смело иду к цели.

Загасив фонарик, я медленно подвигаюсь в темноте на другую сторону часовни. Вот руки нащупывают небольшое окно. Жалобные стоны еще яснее. Я волнуюсь. Руки мои дрожат. Я пробую открыть окно: заперто. Надо раздавить стекло! За шумом ветра никто не услышит. Чтобы не порезать руки, я беру сумку и нажимаю ею окно. Раздается треск, и осколки стекла с визгом падают на каменный пол.

Я прижимаюсь к стене. Прислушиваюсь. Тихо. Странно, что же это означает? Откуда же исходят стоны? И вот ясно слышу:

— Помогите! Помогите!

Звуки исходили из часовни.

Я быстро карабкаюсь в окошко и с большим трудом просовываю сначала голову, а потом и туловище, свисаю внутрь и стараюсь на что-нибудь упереться руками. Но руки мои, не найдя точки опоры, скользят по стене, и я, потеряв равновесие, лечу вниз головой в темное нутро часовни. По счастью, окно находилось невысоко от пола, и я не сломал себе шею, но голова довольно сильно ударилась о каменный пол часовни.

— Помогите! Помогите! — раздается совсем близко.

Я завертываю фонарик и, сидя на полу, даю тусклый свет. Прямо передо мной на каком-то помосте стоит новый простой белый гроб. Жутко! Невольно дрожь пробегает по телу, но я остаюсь сидеть неподвижно и осматриваюсь. Пе-

ред гробом стоит подсвечник, на стене висит распятие Христа...

И вот опять:

— Помогите, помогите!

Казалось, что звуки идут из гроба. Не живой же лежит в гробу? Я собираюсь с силами, поднимаюсь на ноги и, при тусклом свете фонаря, подхожу к гробу и дрожащими руками намереваюсь приподнять крышку.

— Помогите! Помогите! — раздается где-то в другом месте.

Я отскакиваю от гроба и замечаю на полу какой-то четырехугольник.

— Помогите! Помогите! — ясно слышится около этого четырехугольника.

Наклонившись, я вижу, что замеченный мною четырехугольник не что иное, как плита, не совсем плотно приложенная к полу.

И вот у меня мелькнула догадка: нет ли в этой часовне погреба? Я пробую пошевелить плиту, но она не двигается. Пробую поднять, но не могу.

— Помогите! Помогите! — неслось снизу надрывающим душу голосом, полным глубокого страдания.

Ясно, что кто-то был в погребе, а вход закрыт большой тяжелой плитой.

— Помогите! Помогите!

Но как помочь? Я вертелся около плиты, как вьюн, но никакого выхода не находил.

Наконец, позабыв всякий страх об опасности, я снял с фонарика платок, опустился на колени и стал внимательно осматривать края плиты. Мои старания увенчались успехом и я нашел в одном углу небольшую дырку. В дырку можно сунуть дуло ружья и приподнять плиту вверх!

Но где же ружье? Оказалось, что, пролезая внутрь часовни, я позабыл предварительно всунуть туда ружье.

Надо достать ружье! Недолго думая, я начал вылезать из часовни таким же путем, каким влез, оцарапав руки, лицо и шею, и наконец, всунув ружье в часовню, я готовился опять пролезать обратно. Но вдруг сильный треск заставил

меня вздрогнуть и отскочить от окна. Треск исходил из дома, где были преступники.

Не увидели они меня? Как быть? Что делать? Я был безоружен. Ружье лежало на полу часовни, и если преступники явятся, мне нечем защищаться, а в живых меня они не оставят.

Что делать? Бежать? Нет.

— Помогите! Помогите! — доносилось из-под земли.

Вот опять что-то хлопнуло в доме, как будто закрывали дверь или ставни.

Я стоял неподвижно, плотно прижавшись к стене, и ожидал самого скверного.

Дождь перестал лить. Было тихо. Я прислушиваюсь. Прошло, приблизительно, минут пять, — никто не являлся, и треска и шума не было слышно, только настойчивые призывы продолжали раздаваться из-под земли. Наконец, пождав еще несколько минут, я опять полез в часовню.

Осветив пол и отыскав в плите дырку, я сунул туда ствол ружья и начал приподнимать плиту. Сначала плита поддавалась плохо, но по мере того, как я ее раскачивал, все легче и легче поднималась вверх. Наконец, после долгих усилий, край плиты был приподнят.

На меня пахнуло таким смрадом и такой вонью, что от отвращения и неприятного ощущения я чуть было не опустил плиту на старое место.

Но что же это? Ничего не слышно. Молчание. Тихо... Только слышно было свое собственное дыхание и учащенное биение сердца. Не ослышался ли я? Может быть, у меня была галлюцинация? Не сошел ли с ума? Да нет! Я ясно отдавал себе отчет во всем происходящем.

Поборов всякое отвращение, поддерживая плиту ружьем, я наклонился вниз и явственно услышал тяжелое дыхание, а потом и тихий-тихий плач.

Нет, я сошел с ума! Нет, живой человек внизу, в погреб! Скорее вниз! На помощь!

Я приподнял плиту изо всех сил вверх, подsunул ружье глубже и, подпихивая плиту в правую сторону, наконец, сдвинул ее с места, и... проход был открыт.

Осветив отверстие фонариком, я увидел, что от отверстия вниз вела каменная лестница. Я решил спуститься вниз. Но как только я начал спускаться, освещая путь фонарем, плач стал слышнее и слышнее, наконец, раздавалось только рыдание.

Вот я внизу.

Я освещаю фонарем подземелье и вижу какой-то постамент, а на нем гроб, направо гроб поменьше, а налево... О, Господи! Что это я? Не сошел ли я, действительно, с ума? Руки мои задрожали так сильно, что свет фонаря стал прыгать по стенам подземелья. Господи! Что это?.. В левом углу подземелья стояло какое-то жалкое существо, до того бледное, что сначала показалось, будто это была сама смерть. В страшных отрепьях, грязное, измученное, это существо, рыдая, протягивало ко мне дрожащие костлявые руки.

Женщина! Где я видел эту женщину? Глаза были закрыты. Но брови, брови!.. Господи, где я видел эти брови? Да неужели? Господи!..

— Лида! — закричал я вне себя и бросился к рыдавшей женщине.

Фонарик упал на землю, но продолжал светить.

— Лида! Лидочка! — говорил я, хватая протянутые ко мне руки. Но эти холодные руки беспомощно опустились, и Лида как-то сжалась и упала к моим ногам.

«Умерла!» — с ужасом подумал я и задрожал. Минуту я стоял неподвижно, пораженный событием. Потом взял фонарь и осветил лежавшую женщину. Казалось, что она была мертва.

— Лида, Лидочка! Дорогая моя! — сказал я шепотом и заплакал. — Не умирай! Лида, Лидочка! Не умирай!

Я опустился на колени и говорил:

— Мы будем счастливы, Лида! Ты слышишь, Лида!

Я гладил ее голову, лицо, руки. Я целовал лоб, щеки, холодные губы. Я безумствовал! Я дул ей в лицо и своим дыханием согревал ее измученную грудь.

— Лида, Лидочка! Моя любимая! Моя единственная! Не умирай! Ты слышишь? Я люблю тебя! Останься жить!

— повторял я сотни раз. Но Лида не слышала моей мольбы и лежала мертвенно бледная.

Прошло некоторое время. Я почти потерял всякую надежду. Но вот Лида ожила. Сначала открыла глаза и удивленно осмотрелась вокруг.

Потом приподнялась и увидела меня.

— Вы, вы... — зашептала она и протянула ко мне руки, сиюсь что-то еще сказать, но не могла и заплакала.

Я говорил ей самые нежные слова, успокаивал, утешал как мог. Потом я взял ее за руки, хотел ее немного придвинуть к себе, и тут только заметил, что одна нога ее была прикована цепью к стене.

Какой ужас! Какое негодяйство! Какая зверская жестокость!

Я выругался, послал проклятие человеку-зверю, совершившему такой бесчеловечный поступок, и попробовал потянуть цепь. Цепь была замкнута на замок.

Посадив Лиду так, чтобы замок можно было прижать к каменному полу, я стал колотить его изо всех сил дулом ружья, и через некоторое время замок был разбит, цепь снята, и Лида была освобождена.

— Вы... Вы... мой спаситель! Мой... — тихо проговорила Лида и как-то странно пошатнулась, как бы готовясь упасть.

От волнения, нечеловеческих страданий и неожиданной радости она была так слаба, силы ее были на исходе, и я понял, что лучше будет не заставлять ее говорить, дабы не растрачивать последних сил.

Я достал из своей охотничьей сумки фляжку с водой и молча дал больной пить. Она с жадностью выпила всю воду. По блеску ее глаз я понял, что она будет жить и жизненные силы начинают возвращаться в ее измученное тело. Потом достал бутерброды и, отламывая маленькие кусочки, стал давать их Лиде.

Так я сидел при тусклом свете фонаря, при соседстве двух гробов, молча кормил девушку, которую случайно встретил и так неожиданно нашел, но которую полюбил с первой встречи. Да, я любил Лиду! Теперь я понял, что значит любить!

Прошло некоторое время, и Лида немного успокоилась.

— Я знала, что вы спасете меня.

— Вы знали?

— Да.

— Откуда вы знали?

— Я звала вас. Я призывала вас. У вас мой браслет, он приносит счастье и удачу. Но как вы нашли меня?

— Нет, вы лучше расскажите, как вы попали сюда?

Не успел я договорить последние слова, как до моего слуха ясно донеслись шаги приближавшегося человека.

— Идут, — прошептал я.

— Идут, — подтвердила Лида.

— Не бойтесь.

— Они убьют вас!..

— Молчите! — прошептал я и вскочил на ноги, стараясь сообразить, что надо делать. — Лида, лягте на старое место.

Лида быстро повиновалась и легла.

Шаги раздавались уже около самой часовни.

Я надел сумку и взял в руки ружье. Осмотрев затвор, я с ужасом заметил, что ружье не было заряжено.

Слышно было, как скрипнула дверь, и кто-то стал открывать ее.

Потушив свет, я быстро расстегнул сумку и хотел достать патроны, но и патронов не было: вероятно, вынимая воду и хлеб, я выронил их на пол и не заметил. Отыскивать не было никакой возможности.

Вверху над отверстием замелькал свет. Я быстро подскочил к большому гробу, прижался к стене и замер в ожидании.

— Ого! Что это такое? — послышалось сверху.

— А что?

— Я, кажется, закрыл плиту, а теперь плита приподнята.

— Да неужели?

— Смотри сам!

— И верно! Что же это означает?

— Кто-нибудь был здесь.

— Не может быть!
— Почему не может быть?
— А потому, что раз дверь замкнута на ключ и не открыта, то как же могли проникнуть в часовню?
— И то верно. Но кто же открыл плиту?
— Да ты сам.
— Я?
— Да. Позабыл закрыть, вот и все...
— Возможно, что и так, но все-таки...
— Ну что там «все-таки», — посмотри: видишь, она лежит там в углу.

Я увидел, как в отверстии показалась красная рожа преступника и рядом с ней рука со свечкой.

— Кажется, спит.
— Тем лучше. Пойдем!
— Не пойду.
— Почему?
— Не могу.
— Эх ты, нюня!
— Брани, а не могу.
— Тебе бы детей нянчить, а не воровать ходить!
— Брани, а не могу! Делай что хочешь, а не могу. Я лучше уйду.

И с этими словами говоривший вышел из часовни, и над головой послышались его удалявшиеся шаги.

Оставшийся преступник выругался вслед ушедшему, потом медленно стал спускаться вниз.

Я стоял в тени. Преступник меня не замечал. Я ясно видел всю его могучую фигуру и пристальный взгляд, устремленный на Лиду. Вот он уже на последней ступеньке. Я тихо поднял ружье над головой. Вот он шагнул к лежащей и наклонился, желая поставить свечу на пол. В это время я взмахнул ружьем и со всех сил ударил прикладом преступника по голове. Он издал какой-то звук, покатился и остался лежать неподвижно.

«Убил», — подумал я, зажигая фонарик, и какое-то неприятное и тяжелое чувство поднялось в глубине моей души. Минуту я стоял неподвижно. Руки мои тряслись. Серд-

це усиленно билось.

— Лида, — тихо позвал я.

— Он мертв? — прошептала она с отвращением.

— Не знаю, но нам нужно торопиться. Скорей поднимаемся наверх!

Лида с трудом поднялась. Я видел, что у нее нет сил самостоятельно подняться по лестнице. Я схватил сначала сумку и ружье и быстро вынес вон из погреба, потом, сбегав вниз, я поднял Лиду обеими руками и осторожно понес наверх. Она была легка, как маленький ребенок.

Дверь часовни была открыта и через нее проходил свежий воздух и яркий свет восходящего солнца.

— Свет! Я вижу солнце! О Боже!.. — прошептала Лида в изнеможении.

От света, воздуха и ярких лучей солнца у нее закружилась голова.

Я быстро надел сумку и ружье и, схватив Лиду, совершенно не думая, что она в обмороке, вынес ее вон из часовни.

— Бежать! Бежать! — твердил я. — Опасность еще не миновала. Преступник может очнуться и броситься в погоню, также и тот преступник, который ушел, мог заметить и помешать нашему бегству. Скорее! Скорее!

Бросив беглый взгляд кругом, я на минуту остановился, прислушиваясь, не раздастся ли шорох внизу, и не видно ли где другого преступника, потом, повернув в противоположную сторону от дома, я побежал, насколько хватило сил, по дорожке, которая вела прямо к ближайшему лесу.

Бежать было неудобно: сзади на мне болтались ружье и сумка, спереди на руках лежала Лида. Подбежав к опушке леса, я остановился и положил Лиду на мокрую траву. В это время мне показалось, что нас преследуют. Как будто кто-то бежал за нами. Спрятаться? Негде. Светло, увидят.

«Бежать! Бежать!» Я опять схватил Лиду и побежал по лесу. Вот опять остановился. Задышавшись, прислушиваюсь: никого, только птицы весело щебечут, радуясь наступившему утру. Вдруг где-то в стороне топот чьих-то ног: погоня!

«Господи! Помоги!» — шепчу я про себя и бегу со своей

ношей. Скоро опять останавливаюсь и вижу, что больная от волнения и тряски еле дышит. Я кладу ее на траву и велю отдохнуть, а сам беру в руки ружье и готовлюсь к защите. Хотя мы и в лесу, но лес так редок, что нас легко могут заметить. Проходит некоторое время.

— Лидочка, сядьте мне на спину.

— Как же это сделать?

— Так, как делали, когда были маленькой.

— Хорошо, милый. Постараюсь... — еле слышно шепчут ее бледные губы. Я прислоняю Лиду к стволу дерева и велю обхватить меня руками за шею. Ее бледные руки беспомощно падают мне на плечи, минуту слабо сжимают шею, но потом бессильно разжимаются, и я чувствую, что она сейчас упадет на землю. Я останавливаюсь, беру Лиду на руки и несу ее по-прежнему. Так, выбиваясь из сил, я иду и иду, останавливаясь и отдыхая. По мере удаления от ужасного дома, в сознание проникает уверенность в благополучном исходе дела.

Вот через лес проходит дорога. Я замечаю вдали какую-то постройку и направляюсь к ней. Силы мои на исходе, я чувствую, что скоро упаду, но сознание опасности подбадривает меня. Все ближе и ближе постройка. Теперь ясно различаю трубу и окна.

«Жилье! Слава Богу!» Я делаю глубокий вздох и спускаюсь на край дороги. Мимо пастух гонит коров на выгон. Увидев нас, он удивленно останавливается и, раскрыв рот, некоторое время смотрит, потом, бросив коров, со всех ног бежит к дому.

Я пробую подняться, но не могу. Лида лежит с закрытыми глазами, мертвенно бледная. В голове у меня какой-то звон, и я чувствую, что падаю. Шум голосов приводит меня в себя, и я приподнимаюсь. Около нас толпятся люди и участливо что-то спрашивают. Я ничего не понимаю. Потом меня несут в дом и кладут на кровать. Приятная теплота разливается по моему телу, и я закрываю глаза. Когда же прихожу в себя, замечаю, что в комнате сидят два человека: один в штатском платье, в очках, другой в полицейской форме. Доктор и полицейский.

— Опасности никакой нет, — говорит доктор. — Чрезмерное напряжение сил, через час-два будет совсем здоров, но женщине придется полежать долго.

«Спасены!» И меня охватывает такая радость, что я соскакиваю с кровати и начинаю искать Лиду.

— Вы ищете даму? Она в соседней комнате. Но не тревожьте ее. Пусть успокоится.

Я сажусь на край кровати.

— А вы лучше расскажите господину полицейскому, что с вами было.

Полицейский вынимает лист бумаги.

— Ну, господа, я теперь здесь лишний. Позвольте раскланяться, — проговорил доктор и вышел из комнаты.

Я кратко рассказал полицейскому все, как было и прибавил:

— Надо поймать преступников.

— Поймаем, — уверенно сказал тот. — Сейчас позвоню куда следует.

IX

Через полчаса в комнату вошло человек пять полицейских. Один из них попросил меня следовать за ними. На дворе уже стояли лошади. Мы сели и поехали.

Скоро вдали, между деревьями, забелела постройка. Вот старый парк, а в глубине его и часовня, а там и дом. Через несколько минут полицейские оцепили дом, взломали дверь и начали производить обыск. Обыскали все уголки, все потайные места, но преступника не нашли.

— В погреб! — крикнул я. — Он в погребе!

Все бросились в погреб, но и в погребе никого не оказалось. Преступник исчез, как в воду канул.

— Нет ли в часовне? — сказал полицейский, производивший с меня допрос. Пошли в часовню. Я, признаться, смутился и неохотно шел к часовне. Мне было крайне неприятно увидеть убитого мною человека.

— Алло! Спускайтесь вниз! — закричали из погреба. Я неохотно повиновался. Но когда спустился, то вздохнул свободно, так как преступника с разбитой головой там не оказалось.

— Слава Богу! — произнес я с радостью. — Он жив!

— Кто жив?

— Преступник.

— Чего вы радуетесь?

— Нет, не то: я, видите ли, думал, что убил его, а оказалось, что он жив, значит, я не убийца.

— Ну, это ваше личное дело, а нам нужно найти бандита!

— Эти гробы мне кажутся очень подозрительными, — проговорил один из полицейских.

— Почему?

— Потому что не похожи на гробы.

Все подошли к гробам и стали осматривать.

— Смотрите! Смотрите! Край одного приподнять!

— Открыть их!

— Но это же кошунство! — запротестовал кто-то.

— Раз в них нет мертвеца, то кощунства нет.
— Как так нет?
— Да так! Откройте и увидим.
— Не делайте этого, — сказал я. — Не нарушайте покой умерших.

Но меня никто не слушал.

В это время кто-то поколотил по гробу. Раздался какой-то странный звук, похожий на звук разбитого стекла. Все невольно переглянулись и стояли в нерешительности. Потом один из присутствующих стал немного приподнимать край крышки гроба. Все затаили дыхание и с напряжением смотрели на гроб. Вот крышка окончательно отскочила, и мы ахнули от изумления. В гробу, вместо покойника, лежали многочисленные предметы: серебряные ложки, вилки, сахарница, чайник, хрустальная ваза, фарфоровая посуда и другие более или менее ценные вещи.

— Ого! Да тут целый склад ворованных вещей!
— Ой! Ой! — раздались восклицания.
— Ловко придумано!
— Да, хитро!
— Какие мерзавцы, в часовне хранили краденые вещи!
— Да еще в гробах.
— Кто может подумать, что в гробах краденые вещи?

Когда вскрыли остальные гробы, то в них оказались тоже разные краденые предметы. Только гроб, что стоялверху часовни, был пустой.

— Господа! Нам нужно торопиться. Преступники скрылись. Надо отыскать их!

Все выбежали наружу. Начальник отдал приказ обыскать лес. Я остался с начальником и поехал с ним к реке, которая протекала приблизительно в двух километрах от места происшествия. Вдруг я заметил на реке лодку.

— Смотрите! Смотрите! Лодка! Кто-то переплывает через реку!

Начальник посмотрел в ту сторону, куда я показывал.

— Да! И то верно! Что-то подозрительно.

— Это он! — закричал я во все горло.

— Кто он?

— Тот, кто спускался в погреб! Бандит!
— Почему вы так думаете?
— Смотрите, у этого человека в лодке завязана платком голова. Я же ударил его по голове!
— Правильно.
— Это тот преступник, которого я сбил с ног прикладом ружья.

Начальник свистнул и скоро к нам подъехали двое полицейских.

— Там в лодке преступник. Догнать его!

В том месте, где мы стояли, река была широка, лодка находилась как раз посередине реки. Когда мы подъехали ближе к берегу, стало заметно, что человек, сидевший в лодке, начал усиленно грести. Он заметил нас и старался поскорее доехать до берега. Двое полицейских бросились на лошадях вплавь догонять лодку. Сидевший в лодке изо всех сил работал веслами. И вот, не доезжая до берега, сидевший в лодке вдруг остановился; посмотрев в нашу сторону, он вытащил револьвер и стал посылать одну пулю за другой навстречу догонявшим. Потом, видя, что ни одна его пуля не достигла цели, взглянул на берег, и, убедившись, что скрыться нет никакой возможности, вдруг вытянулся во весь рост и бросился головой вниз в воду. Прошла минута, две, три, пять: он не показывался.

— Утонул, — проговорил я.

— Пожалуй, это был самый лучший исход в его положении, — сказал мой сосед и повернул к дому.

Х

Когда к вечеру я возвратился к крестьянскому домику, где нашел приют и временное убежище, навстречу выбежала хозяйка и шепотом сообщила, что барышне очень плохо и она бредит.

— Есть у вас телефон в доме?

— У нас нет, а вот рядом у соседей есть.

Я немедленно побежал к соседям, позвонил в Ригу и заказал автомобиль.

В тот же день, ночью, распростившись с радушными хозяевами и поблагодарив их за доброту, я бережно положил Лиду в приехавший автомобиль и уехал в Ригу.

Можете представить удивление моей старушки-няни, когда я вошел к себе в квартиру, держа на руках еле живую девушку в грязном и рваном платье.

— Скорей, няня. Приготовь кровать и белье! Ну, что же ты стоишь, как истукан! Слышишь, что говорят?

Няня засуетилась, приговаривая:

— Ах ты Господи, что это такое! Ах ты Господи!

Потом я позвонил одному знакомому доктору и просил его немедленно прийти к больной. Когда доктор явился, я сказал ему, что больная девушка много страдала душевно и физически, а потом неожиданно заболела. Осмотрев больную, доктор покачал головой и сказал:

— Плохо.

— Что плохо?

— Сердце.

— Есть опасность?

— Да, есть. Сердце еле-еле работает.

— Вы думаете, что девушка умрет?

— Вся надежда на молодой организм.

— Доктор, нельзя ли как-нибудь помочь?

Доктор молчал.

— Спасите ее, доктор! Сохраните ей жизнь. Возьмите что хотите, но спасите эту девушку.

— Но что же я могу сделать, раз сердце слабо? Да вы не отчаивайтесь, еще есть надежда!

Прописав лекарство и дав совет, как ухаживать за больной, доктор ушел.

После ухода доктора я сел рядом с кроватью и стал смотреть на Лиду. Она лежала, вытянув руки и ноги, словно умершая. Только легкое дыхание свидетельствовало, что жизнь еще теплится в этом измученном теле.

Пять дней и пять ночей Лида находилась на волосок от смерти. Я не отходил от кровати. Это было время самых мучительных переживаний. Видеть, как перед твоими глазами ежеминутно борется со смертью любимое существо — было постоянной и напряженной пыткой. Лида редко приходила в себя, большей частью она лежала в забытьи и бредила. Но в те редкие мгновения, когда сознание к ней возвращалось, она устремляла на меня свои черные глаза, полные какого-то особенного выражения, и тихо что-то шептала. Я молча целовал ее руки и нежно гладил ее бледные щеки.

На шестой день, вечером, Лида заснула. Это был благодетельный сон, и я понял, что она будет жить. И, действительно, началось медленное выздоровление. Теперь я мог уходить на службу, оставляя больную на попечении няни, которая заботилась о ней, как о маленьком ребенке.

Когда я рассказал няне обо всем, что случилось, она так расчувствовалась, что долго плакала. Потом, ухаживая за больной, она привязалась к ней и полюбила ее так же сильно, как и меня. Что же касается меня, то когда стало ясно, что Лида будет жива и здорова, я был, как говорят, на седьмом небе. Я ликовал и торжествовал.

Возвращаясь домой со службы, я покупал букет цветов, с торжеством нес домой и ставил на столик около больной. Навстречу мне светились радостные глаза и протягивались белые тонкие руки. О, как я любил целовать эти руки!

Наконец Лида окрепла настолько, что я решил спросить ее относительно того, как она очутилась в погребу часовни... И вот что она рассказала.

XI

— В тот вечер, когда вы были у Марьи Ивановны, я пошла домой вместе с Верой. Мне показалось, что она на меня рассердилась, и я хотела узнать, что послужило причиной этому. Но, несмотря на все мои расспросы, Вера ничего не говорила и как-то особенно холодно со мной рассталась. Тем не менее, я возвратилась домой в самом радужном настроении духа. Когда я вошла к себе в комнату, то заметила на столе письмо. Письмо было без марки и почтового штемпеля. Кто принес письмо? От кого оно? Я хотела спросить об этом прислугу, но подумала, что не лучше ли распечатать и прочитать, тогда все и выяснится. Распечатав письмо, я прочитала следующее:

«Милая барышня, по независящим от меня обстоятельствам я вынужден завтра уехать из имения Вашего отца. Как Вам известно, наш контракт кончается, поэтому мой отъезд будет окончательным. Прошу приехать и взять от меня ключи, в противном случае я замкну дом, а ключи спрячу под ступеньку заднего крыльца, где Вы их найдете, или отнесу в соседнюю усадьбу. Очень извиняюсь за мой поспешный отъезд, но ничего нельзя поделать, так вышло.

С совершенным почтением

Ваш арендатор Вольдемар Шмидт».

Нужно сказать, что это известие произвело на меня неприятное впечатление. Нашему арендатору через два месяца истекал срок аренды. Мой отец думал, что Шмидт опять пожелает остаться в усадьбе, поэтому не принял никаких мер, чтобы сдать усадьбу другому. К тому же в договоре найма было указано, что нанимателю ставилось в обязанность, если он не пожелает оставаться дольше в усадьбе, предупредить об этом владельца, а Шмидт этого не сделал и вдруг неожиданно уезжает и бросает на произвол судьбы всю усадьбу. Вероятно, случилось что-нибудь особенное, если он уез-

жает так неожиданно. Недолго думая, я решила последовать приглашению и в ту же ночь выехала из Риги.

Я хотела застать арендатора в усадьбе, чтобы иметь возможность расспросить относительно некоторых подробностей по хозяйству.

Было приблизительно восемь часов утра, когда я приехала в город Ц. Так как наша усадьба находится в пяти километрах от города, то я решила идти пешком.

С тяжелым чувством, с предчувствием чего-то ужасного, приближалась я к нашему имению.

Вот и наш дом. Все окна закрыты ставнями, а на дворе никого. Дверь заперта на замок.

«Неужели уехал? Никого нет, и я одна», — подумала и огляделась кругом. И в это же время заметила, что около старой часовни, которая находилась в глубине парка, на расстоянии километра от дома, стояли два человека и смотрели в мою сторону. Что это были за люди, я не знала, но только инстинктивно почувствовала к ним недоверие. Приблизившись ко мне, они почтительно сняли шляпы и поздоровались. Один из них был молодой, другой постарше. Старший заговорил со мною, а молодой стоял и слушал.

— Вы хотите видеть господина Шмидта?

— Да.

— Господин Шмидт уже уехал.

— Когда он уехал?

— Уже давно.

— Как давно?

— Да дней пять будет».

— Что ты болтаешь чепуху, — перебил молодой. — Не пять дней, а пять часов. Господин Шмидт уехал сегодня утром.

После этих слов он посмотрел на старика и, как мне показалось, подал какой-то знак. Старик немного смутился, но потом опять обратился ко мне со словами:

— Вы, значит, будете хозяйка этой усадьбы?

— Да, усадьба принадлежит моему отцу.

— Так-так. А где же ваш папаша?

— Он болен.

— Так, значит, вы хозяйничаете?..

— Я не хозяйничаю, а только заменяю отца, когда это нужно».

— Так-так.

— А позвольте узнать, — вмешался в разговор молодой, — ваш отец скоро возвратится сюда?

— А почему вам нужно это знать?

— Я немного знаком с вашим отцом. Познакомился с ним при некоторых обстоятельствах.

При этих словах оба человека многозначительно переглянулись и улыбнулись.

Эти люди становились все более и более подозрительными. Чтобы узнать, кто они такие, я спросила:

— А вы кто такие будете?

— Мы? — спросил молодой. — Мы здешние обитатели.

— Но что вам здесь нужно?

— Нужно нам многое, — проговорил молодой. — Во-первых, нам нужно вас.

— Меня?

— Да.

— Для чего же я вам нужна?

— Потом скажем.

— А во-вторых, еще что нужно?

— Ну, барышня, — перебил старик, — все сразу нельзя узнать.

— Мы хотели бы снять вашу усадьбу в аренду, — сказал молодой.

— А вам известны наши условия?

— Нет.

— Дело в том, что относительно условий вам нужно поговорить с моим отцом, но, так как он в настоящее время болен, то условия сообщу я, точно так же и договор подпишу я за отца.

— Ну, а какие же условия?

— Я напишу отцу, через четыре дня получу ответ, тогда и сообщу вам.

— Где же мы можем встретиться?

— Не знаю. Скажите мне ваш адрес; я назначу время и место для переговоров.

— Зачем же вам беспокоиться, мы лучше сами придем к вам.

Я написала на клочке бумаги мой рижский адрес и пошла отыскивать ключ. Обернувшись, я увидела, что они стояли на том же месте и о чем-то говорили, очевидно — обо мне, так как все время посматривали на меня.

Тщательно осмотрев место под лестницей и не найдя нигде ключа, я пошла в соседнюю усадьбу, находящуюся в трех километрах от нашей, где намеревалась получить некоторые сведения относительно Шмидта и надеялась, что ключ оставлен в этой усадьбе. Я шла по тропинке полем, и когда свернула направо, то увидела, что оба незнакомца все еще стояли на том же месте и смотрели в мою сторону.

В соседней усадьбе я узнала все, что мне было нужно и получила ключ от нашего дома.

Время приближалось к вечеру, а мне предстояло пройти еще три километра обратной дороги, осмотреть дом и после этого отправиться на станцию. Я стала рассчитывать и оказалось, что на станцию придется идти ночью. Хотя я и не из трусливых, но все-таки идти одной и лесом ночью было как-то боязно. К тому же, и эти два незнакомых человека внушали мне невольный страх. И вот у меня мелькнула мысль — не лучше ли остаться переночевать в собственной усадьбе? Почему я не осталась ночевать у соседей, а пошла к себе домой — право, не знаю. Может быть, это так было нужно и такова моя судьба. Но только я, действительно, под вечер пришла в нашу усадьбу. Незнакомцы ушли, и я была совершенно одна.

Сначала это полное одиночество казалось для меня интересным, и я не думала ни о какой опасности, но потом в глубине души стала появляться невольная тревога. Я зажгла свечку и осмотрела дом. Вся мебель и вещи находились в порядке и стояли на своих местах. Единственное изменение было сделано со шкафом, который из угла был приставлен к двери, которая вела в угловую комнату, в ту комнату, в которой мы спали, когда приезжали в усадьбу. Вероятно,

Шмидт хотел скрыть дверь, поэтому и заставил ее шкафом. Таким образом оказалось, что угловая комната как бы не имела выхода в соседнюю комнату. Но так как в эту комнату был второй вход со стороны заднего коридора, то, решив переночевать в этой комнате, я и вошла в нее через этот вход.

Заперев дверь на ключ, я стала готовиться к ночлегу.

Нужно сказать, что эта угловая комната находилась в нашем распоряжении и во все время, когда в усадьбе жил господин Шмидт. Это было предусмотрено контрактом. Я часто приезжала в усадьбу и жила в этой комнате, в которой стояла кровать с подушками, одеялами и постельным бельем.

Раздевшись и загасив свечу, я легла, накрылась одеялом и уже стала засыпать. Вдруг среди ночной тишины я ясно услышала сначала легкий отдаленный стук, потом шаги. Я вздрогнула от испуга и не знала, что делать. Но вот опять стало тихо. Прислушиваюсь — никого. Я уже начала успокаиваться, как опять услышала шаги и легкий шум. Потом раздался стук двери и в соседнюю комнату вошел человек. Послышались голоса. Я вскочила и подбежала к двери.

— Ну что, нашел?

— Нет.

— Куда же она могла скрыться?

— Не знаю.

— А может быть тебе только показалось, что она возвратилась?

— Ну, что ты, разве я слепой?

— Странно, куда же она могла скрыться?

По интонации голоса я узнала, что это были те самые два человека, которых я встретила в усадьбе и которые теперь искали меня. Так как дверь в мою комнату была заставлена шкафом, то они и не предполагали, что рядом находится еще одна комната.

Конечно, если они начнут искать более тщательно, то найдут и мою комнату. А когда найдут, что тогда будет? Эта мысль ледяным потоком прошла по моему телу. Уверен-

ность, что незнакомцы замышляют относительно меня что-то недоброе, росла у меня с каждой минутой.

— А ты хорошо видел, что она пришла одна?

— Конечно, одна.

— Через какие двери она вошла в дом?

— Через задние двери, через те, которые ведут в кухню.

— Нет ли около кухни какой-нибудь маленькой комнаты или каморки? Не спряталась ли она там?

— И то правда. Пойдем посмотрим.

Как только они вышли, я быстро подбежала к окну и осторожно открыла ставни и раму, вылезла наружу, прикрыла опять немного ставни и побежала.

— Скорей, скорей! Прочь от этого дома! — говорила я и направилась в соседнюю усадьбу, где была сегодня днем. На небе светила полная луна, было довольно светло и я хорошо различала дорогу, по которой бежала.

Я пробежала уже порядочное расстояние, как вдруг вспомнила, что оставила сумочку на земле около окна, через которое вылезла. В сумке был мой паспорт, некоторые документы, последнее письмо от папы и немного денег. Я остановилась в нерешительности: возвращаться назад или бежать дальше? Но мне не хотелось терять паспорта и документов, поэтому, сказав: «Будь что будет», — быстро пошла назад к дому. Я уже была у цели, отыскала сумку, повернула назад и сделала несколько шагов, как неожиданно один из незнакомцев вышел из дома и заметил меня.

— А-а! Да вот где она! — воскликнул он.

Я бросилась бежать что было сил, но скоро крепкие и сильные руки схватили меня, подняли и понесли в дом. Сопротивляться было бесполезно.

Меня принесли в комнату, посадили на стул и начали допрос.

— Куда же это вы, милая барышня, бежите темной ночью? — спросил старик.

Я молчала.

— Испугалась, — ответил за меня молодой.

— Мы люди добрые, нас нечего бояться.

— И ничего не сделаем, если исполните то, что нам нужно.

— Что же вам нужно? — спросила я тихим голосом.

Старик подвинул к себе ближе свечку, вынул из кармана какую-то засаленную бумагу и, указывая на нее, сказал:

— Вот что.

Я с недоумением посмотрела на бумагу.

— Удивляетесь?

— Да, я не понимаю, что все это значит.

— Очень просто, милая барышня, сейчас разъясним.

Развернув бумажку, старик вынул ключик и, показывая его, спросил:

— Знаете этот ключик?

— Нет, не знаю.

Старик посмотрел на молодого.

— Не может быть! Вы должны знать! — воскликнул тот.

— Первый раз вижу этот ключ.

— Помните тот день, когда во время войны неприятель приближался к вашей усадьбе?

— Да, помню.

— Что сделал тогда ваш отец?

— Он решил бежать и велел всем собираться в путь.

— Правильно; а что сделали вы?

— Стала помогать отцу укладывать вещи.

— А шкатулку помните?

— Шкатулку? — переспросила я. — Про какую шкатулку вы говорите? У нас было две: деревянная и жестяная.

— Жестяную.

— Конечно, помню. Отец уложил туда все наши золотые вещи и мамины бриллианты.

— Правильно! — радостно воскликнул молодой. Я посмотрела на него, и его лицо мне показалось знакомым.

— А меня не узнаете? — спросил он.

— Я где-то вас видела, но никак не могу припомнить.

— А денщика вашего отца не помните?

— Бляхин! — воскликнула я радостно. — Бляхин!

— Так точно! Я и есть. Да, барышня, теперь я не денщик, а, так сказать, экспроприатор чужой собственности.

— Иначе говоря — грабитель!

— Да, выражаясь грубым языком, можно сказать, что грабитель.

— Ну, что же вы хотите от меня?

— А вот что. Когда я служил денщиком у вашего отца, то видел, что перед бегством ваш отец сложил все драгоценности в жестяную шкатулку, замкнул ее вот этим самым ключом и вышел из комнаты, приказав мне собираться в путь и укладывать вещи. Через три дня я ночью взял от вашего отца вот этот ключ, намереваясь впоследствии взять и шкатулку, но все мои тщательные поиски оказались напрасными. Среди вещей вашего отца шкатулки не оказалось. Несомненно, шкатулка осталась в усадьбе и где-нибудь зарыта в землю.

— И мы хотим, чтобы вы указали нам это место, — прибавил старик.

— Я не знаю.

— Как не знаете? Почему не знаете?

— Отец ничего не говорил мне.

— Не может быть!

— Да, я не знаю.

— Полно, барышня, не хитрите. Теперь вы в наших руках, и мы можем сделать с вами все, что хотим.

— Делайте что хотите, но только я действительно ничего не знаю о шкатулке.

— Неправда, вы должны знать!

— Почему?

— А потому, что вы единственная наследница вашего отца: мать, брат умерли, отец серьезно болен, неужели он еще не открыл вам секрета?

— Нет.

— Не верю! Не верю! — закричал бывший денщик.

— Знаете, милая барышня, если будете артачиться, то вам придется плохо.

И с этими словами старик подошел ко мне поближе и, выразительно показывая около моей шеи руками, сказал:

— Мы вот раз, два — и готово! Хотите этого?

Я с ужасом смотрела на этого противного человека и не

могла выговорить ни одного слова.

— Ну, что же молчите?

— Что же мне говорить?

— Где спрятана шкатулка?

— Не знаю.

— Ах, так! — И с этими словами старик схватил меня за плечи и так сильно сжал их, что я вскрикнула от боли.

— Полно, Сим! Успокойся! Этим ничего не сделаешь. Задушить мы всегда можем. Ну, задушишь, а тайну все равно не узнаешь. Мы лучше будем действовать по-хорошему. Милая барышня подумает, авось и припомнит все, что от нее требуют. А не припомнит — ну, тогда уже пеняй на себя за свою раннюю смерть.

«Смерть! Смерть! — молниеносно пронеслось в моем уме. — Они убьют меня».

— А если будете разумны, то откроете секрет. Мы возьмем только шкатулку, а вас выпустим на все четыре стороны.

— Выпустить-то мы вас, пожалуй, выпустим, только под одним условием, что никому не скажете о произошедшем и не выдадите нас полиции. В этом вы должны дать нам клятву.

— Если нарушите клятву, мы найдем вас... и тогда...

— Поверьте, милая барышня, что мы исполним нашу угрозу. Вот, например, Шмидт, ваш арендатор, умный парень. Когда пригрозили ему — быстро убрался из вашей усадьбы. Вы думаете, он сам, добровольно уехал? Нет, мы его попросили это сделать.

— Итак, давайте сделаем дело по-хорошему.

— Тихо, мирно, чтобы никто не знал.

— Вы красивы, молоды, выйдете замуж за богатого, и вам не нужно будет вашей шкатулки с драгоценностями, а нам она пригодится.

— Что же вы начнете делать? — заинтересовалась я.

— Уеду за границу, открою торговлю и заживу припеваючи.

— А вы, Бляхин, что станете делать?

Бляхин молчал и о чем-то думал. Старик ответил за него:

— Бляхин женится. У него ведь есть невеста в Риге. Красавица-раскрасавица! Благородная девица. Настоящая дама. Очень любит наряжаться, и Бляхину нужно много денег.

— Оставь молоть ерунду, — разозлился Бляхин. — Лучше води дальше допрос!

Старик косо посмотрел на своего товарища и обратился ко мне:

— Ну, как же, барышня?

— Все так же: я ничего не знаю. Если бы знала, то давно бы уже выкопала из земли. Подумайте, разве можно оставлять такую драгоценную вещь в земле, на которой хозяйничает чужой человек?

Бандиты переглянулись между собой и замолкли.

— Врете! Вы знаете, только не хотите выдать! — заговорил Бляхин. — Если бы шкатулка была выкопана из земли, то вы бы не нуждались, не бедствовали, а вы все время живете в нужде. Я следил за вами два месяца, знаю все ваши обстоятельства и твердо убежден, что шкатулка, по каким-то особым соображениям вашего отца, все еще остается зарытой в земле усадьбы.

Я молчала.

— Что, неверно я говорю?

— Я не знаю, где зарыта шкатулка.

— Смотрите, не сердите старого Сима! — воскликнул старик и сильно ударил кулаком по столу.

— Подожди, Сим. Пусть барышня отдохнет, подумает, взвесит, а потом — завтра — и скажет нам последнее слово.

ХII

— Сначала меня заперли в маленький пустой чулан около кухни. Два дня мучили голодом, жаждой и постоянной угрозой убить. Но что я могла сказать своим палачам, если действительно не знала того, о чем спрашивали, а они мне не верили? На третий день ночью позвали опять на допрос.

— Вы настаиваете на том, что не знаете, где зарыта шка-тулка?

— Да, настаиваю.

— В таком случае, напишите отцу, чтобы он открыл вам и сказал, где находится это место.

Это озадачило меня. Как поступить? Отказаться нельзя, иначе преступники исполнят угрозу; согласиться тоже нельзя, так как больному отцу это может показаться странным, может взволновать его и ухудшить процесс болезни. Но все-таки я решилась согласиться и пустилась на хитрость.

— Хорошо, я согласна, только при одном условии.

— При каком?

— Письмо будет написано на французском языке.

— Нет, этого нельзя. Мы французского языка не понимаем и не можем узнать, что вы напишете.

— Давайте бумагу и чернила, пусть будет по-вашему, напишу так, как вы хотите.

Через полчаса письмо было написано, прочитано и одобрено моими мучителями. Оставалось написать адрес. Но, чтобы письмо не дошло по назначению, я написала адрес неправильно. После этого преступники успокоились и дали мне поесть и попить.

Четыре дня я жила сравнительно сносно: днем сидела в одной из комнат в обществе одного из бандитов и читала книгу, которую где-то отыскали в доме. На ночь меня сажали в погреб дома. На пятый день случилось событие, которое сильно ухудшило мое положение. Бандиты напились пьяными и стали приставать ко мне со всякими предложениями. И когда молодой куда-то вышел, старик приблизился и хотел схватить меня грязными руками. Я изо всех сил уда-

рила его по лицу, выскочила через окно наружу и бросилась бежать. Я не бежала, а летела. Платье мое рвалось от кустов и веток, за которые я зацеплялась во время бега; босые ноги царапались о камни и сучья, но я не замечала этого и неслась все вперед и вперед. Первое время мне казалось, что меня никто не преследует; может быть, оно так и было, но потом, когда от неожиданности их опьянение прошло, они бросились за мной в погоню. И вот, когда силы мои были на исходе и я споткнулась и упала, меня опять схватили крепкие руки. Я начала кричать, но рот мой заткнули грязным платком.

— Ну и ноги у вас, милая барышня, — говорил старик, — еле догнал. Что это вы так разозлились на меня? Я по-хорошему, а вы драться. Так нельзя. А чтобы не подумали опять убежать, мы отведем вам новое помещение.

И вот меня водворили в погреб часовни, а «для безопасности», как выразился старик, приковали к стене.

Я сидела в полной темноте, не различая ни дня, ни ночи. О, как я страдала! Измучилась! Я была погребена заживо и обречена на медленную и мучительную смерть! Я молилась, я кричала и звала на помощь, но помощи ни от кого не получала. Плакала, уговаривала и умоляла мучителей отпустить на волю, но они упрямо требовали от меня сказать, где спрятана шкатулка. Два раза в сутки спускались они в погреб и задавали один и тот же вопрос. Для поддержания в живых давали немного воды и хлеба. Но как ни трагична была моя судьба, как ни безвыходно было мое положение, все-таки в глубине души моей теплилась надежда на спасение.

Однажды я мысленно перенеслась в Ригу и вспомнила, что у вас мой браслет.

«Он же приносит счастье и удачу», — подумала я.

Я живо представила вас сидящим за столом и тихо стала звать на помощь. Так я делала несколько раз и мои зовы достигли вас.

Наконец бандиты заявили, что если сегодня же я не одумаюсь и не скажу, что они требуют, то будет конец моей жизни. Я была так измучена, что с радостью приняла эту

весть. Я стала приготавливаться к смерти и углубилась в молитву. Я уже больше не плакала. Странное спокойствие овладело мною. Я как будто бы погрузилась в приятный сон, полный разнообразных видений. Моему умственному взору стали появляться образы и лица, каких я раньше не видела, а до моего слуха доносились нежные звуки, и мне было так хорошо и так спокойно. Но вдруг необычные звуки прервали мои мечты. Я опомнилась и осознала мое положение. Звуки повторились. Я напрягла слух и жадно прислушивалась. Кто-то ходил около часовни. Это не бандиты. Нет! Это шаги пришельца.

— Помогите! Помогите! — закричала я во все горло.

Шаги все ближе.

— Помогите! Помогите! — кричала я.

Шаги около самой часовни.

Я продолжала беспрестанно звать на помощь. Но вот шаги стали удаляться и вместе с ними удалялась надежда на спасение.

— Помогите! Помогите! — продолжала я кричать беспрерывно.

Через некоторое время я опять услышала шаги, потом стук в часовне. Это был не тот стук, когда приходили мои палачи, нет, этот стук был особенный: он хватал меня за сердце и нес свободу и радость!

— Помогите! Помогите!

Теперь я знала, что мой крик услышат. О, как рвалось мое сердце! О, как дрожали мои руки и ноги от нетерпения! И вот, когда я отчетливо услышала, что кто-то отодвигает плиту, то испытала такую радость, что не могла произнести ни слова, и слезы несказанного блаженства полились из моих глаз. А когда увидела вас и протянула к вам руки, силы мои окончательно оставили меня, голова закружилась и я упала в глубоком обмороке. А когда очнулась, я увидела вас...

— Ну, и что же? — спросил я. Лида молча взяла мою руку и поцеловала...

Я был счастлив. Я радовался. Я радовался ясному небу, легкому ветерку, яркому солнцу, маленькой птичке, людям и всему, что живет и наполняет жизнь, и хотел, чтобы и другие были счастливыми и радостными. Моя жизнь теперь была полна смысла и значения. Я любил. Я нашел то, что искал всю свою жизнь. Цель достигнута, оставалось наслаждаться результатами достижения.

Самым приятным времяпровождением было для меня сидеть около Лиды и читать вслух газеты и книги, рассказывать события из своей жизни — или отвечать на ее вопросы. Чудные мгновения, полные тихой радости!

Выздоровление шло быстро. Молодой организм, перенеся кризис, поспешно восстанавливал свои силы. Скоро Лида оставила кровать и стала ходить по комнате.

Как я был счастлив, когда однажды вечером она села за рояль и начала играть. Но я не слушал нежной мелодии, а любовался профилем любимой мною девушки, ее тонкими нежными руками, нервно бегавшими по клавишам, любовался ее стройной гибкой фигурой. И вдруг Лида запела. Я так и подскочил от неожиданности. Я взглянул на няню, сидевшую в углу за шитьем, и заметил, что она плачет. Лида пела веселую, радостную песню, а тут и слезы.

— Няня, няня, что с тобой?

Няня продолжала плакать. Лида замолчала и обернулась.

— Нянечка, что с вами? Почему вы плачете?

— Я... я... — говорила, плача, няня.

— Ну, что такое?

— Уж очень мне стало хорошо, вот я и заплакала.

— Да что ты, няня! — воскликнул я.

— Давно, давно уже не было у нас так весело, — говорила и плакала няня.

Лида подошла к старушке, обняла ее и поцеловала.

— Подожди, нянечка, еще веселее будет, вот только дай Бог совсем поправиться.

Эта сцена показала мне, что няня была тоже счастлива. А Лида? «Была ли она счастлива?» — задал я себе вопрос и

пытливо взглянул на нее. Я спас ее жизнь, она чувствует ко мне благодарность, но любит ли она меня, как мужчину? Вот она смотрит на меня: глаза ее сияют, на щеках легкий румянец, на губах улыбка, — а что у нее на сердце?

Была зима, на улице холодно, а в нашей квартире тепло и уютно. Три человека были довольны и счастливы.

ХІІІ

— Дорогой мой, — сказала Лида однажды (она теперь постоянно называла меня так), — не можете ли сходить на мою квартиру и принести зимнюю одежду и платье?

— Хорошо, принесу, — ответил я.

Комната, в которой прежде жила Лида, все еще не была сдана. Я заплатил хозяйке за месяц и попросил выдать Лидины вещи.

В тот же день я впервые вместе с Лидой вышел на прогулку.

— Не знаю почему, но все мне кажется иным каким-то, хорошим, светлым, — сказала Лида, когда мы вошли в сад Вестура.

— И мне тоже так кажется.

— Почему это?

— Потому что мы много страдали и изменились.

Лида посмотрела на меня сбоку и взяла меня под руку.

— Даже к своим палачам я не чувствую ненависти! Кстати, куда же скрылся другой преступник, бывший денщик Бляхин?

— Полиция ищет, но не может найти! Ах, оставьте прошлое, давайте лучше говорить о настоящем.

— Дорогой мой, не надо закрывать глаза, когда можно предвидеть опасность. Вот, например, я сделала оплошность и поплатилась. Бляхин жив и может жестоко отомстить мне и вам.

— Не посмеет!

— От него всего можно ожидать. Вы не знаете, что это за негодяй!

— Подождите, его поймают: у нас очень хорошая полиция.

— Я думаю, что мне, пожалуй, нужно будет скрыться за границу.

— Я не допущу вашего отъезда! Понимаете, не допущу! Никуда вы не уедете, а будете жить у меня, пока не поймают этого бандита.

— А если поймают?

— А когда поймают его... ну... тогда... если...

Я не договорил и посмотрел на свою спутницу. Наклонив голову, она молча шагала рядом со мной.

— Неужели вы, Лидия Ивановна, действительно собираетесь покинуть меня?

Вместо ответа Лида загадочно улыбнулась и заговорила о другом.

Возвращаясь обратно домой, мы неожиданно встретили Марью Ивановну в обществе какого-то молодого человека, элегантно одетого. Увидев нас, она издали стала улыбаться и махать рукой.

Когда мы подошли, она начала упрекать Лиду, почему она гордится и не заходит, потом, обратившись ко мне, прибавила:

— Да и вы, молодой человек, заглянули раз-два — и исчезли. Следовало бы, приличия ради, и визит сделать.

— Простите, Марья Ивановна...

— Знаю, знаю, что скажете: не говорите, ну да я не забываю. Завтра у нас опять гости, приходите. Обязательно приходите! — И с этими словами она распрощалась и пошла дальше.

— Не знаю почему, но эта дама не внушает мне симпатии.

— И мне тоже, — сказала Лида.

— Вы давно с ней знакомы?

— Давно. Мой отец знал ее еще в Петрограде. А когда она переселилась в Ригу, то возобновил с ней знакомство и познакомил меня.

— А кстати, Лидия Ивановна, я давно собирался спросить у вас следующее: когда вы встретили меня на вечере у Марьи Ивановны, то сказали, что пришли туда ради меня. Как же вы узнали, что я там буду?

— Догадалась.

— Как же это вы могли догадаться?

— А вот как. В тот вечер я пришла к вам на квартиру и не застала вас дома. Из расспросов няни я узнала, что у вас был Саша Дудин, который пригласил вас идти в гости. Так

как Сашу Дудина я иногда встречала у Марьи Ивановны, то и догадалась, куда вы направились.

— А няня мне ничего не сказала, что вы были у меня.

— Вероятно, позабыла. Старая она становится.

Веселые и радостные, мы возвратились домой. На столе стоял уже самовар и чайная посуда.

После чая Лида стала писать письмо отцу, а я читать газету.

Вечером пришел Саша Дудин. Он уже знал о моем приключении, поэтому ничего не расспрашивал и держал себя серьезно и сдержанно.

Лида села за рояль и запела. На этот раз она пела грустную песню, и мне казалось, что все пережитое страдание выражалось в этой задушевной мелодии. Саша был очарован и, смотря на Лиду восхищенными глазами, говорил взволнованным голосом:

— Прекрасно, Лидия Ивановна. Прекрасно! Лучшего исполнения этого грустного мотива я не слышал.

Он подошел к роялю и хотел еще спросить что-то, но Лида вновь запела, на этот раз веселую песню. Няне больше нравились веселые мотивы, поэтому она просила спеть еще такую же песенку.

Уходя домой, Саша шепнул мне на ухо:

— Я завидую тебе...

Что он этим хотел сказать, я так и не узнал.

XIV

Театральный сезон был в полном разгаре. В Национальной опере почти каждую неделю выступали заграничные гастролерши и гастролеры.

Я люблю оперу. Люблю окунуться в это чудное море звуков и разнообразных мелодий. Для меня звуки — живые существа. Они многое говорят мне, и я беседую с ними. Их мысли — мои мысли, их чувства — мои чувства, я вместе с ними переживаю радость, горе, страдание и тоску.

В нынешнем году, вследствие сложившихся исключительных обстоятельств, я еще ни разу не был в опере. Но когда из газет узнал, что на гастроли приехал Петраускас из Литвы, я решил сходить в оперу и взять с собой Лиду. В сущности, на этот раз я больше желал идти из-за Лиды, так как находил, что после всего пережитого ей необходима перемена впечатлений. В последнее время она почему-то стала очень серьезной и задумчивой. Много читала и писала. Когда я спросил о причине такой перемены, она показала письмо от своего больного отца.

«Одно горе прошло, другое наступило, — подумал я. — Надо развлечь бедную девушку».

На другой день, купив билеты и придя домой, я сказал, что сегодня мы пойдем в оперу. Я думал, что Лида будет отказываться, но был приятно поражен, когда она с радостью согласилась и начала готовиться к спектаклю.

«Вот подите, разберитесь в женской душе: предполагал одно, а вышло другое. Говорят, что чужая душа — потемки, а девичья — темный лес», — подумал я.

Ровно в шесть часов Лида была уже совершенно готова. Одета в вечернее платье, сияющая и веселая, она вошла ко мне и проговорила:

— Вот я и готова.

— Прекрасно! Но в нашем распоряжении есть еще достаточно времени. Ба! Да какая вы сегодня красивая! — воскликнул я, любуясь ею. — Какое прелестное платье и как к вам идет!

— Вы находите?

— Вы прелестны! — зашептал я и мне захотелось ее поцеловать. — Лида! Лидочка!.. Я...

Но она не дала договорить слов любви: закрыла ладонью мне губы и сказала:

— А кто сегодня будет петь в опере?

— Ах, что мне до оперы. Душа моя поет от восторга! Она поет...

Лида опять закрыла мой рот и сказала:

— Пора. Пойдемте, а то опоздаем.

— Лида!

— Мы пойдем пешком, хочется немножко прогуляться.

Мне стало грустно.

«Она не любит меня», — думал я.

Всю дорогу до оперы я молчал, искоса поглядывая на свою спутницу.

Мы пришли за семь минут до начала спектакля. Наши места были в партерной ложе № 4. В узком фойе беспрерывным потоком ходили нарядные дамы и мужчины. Слышался говор, смех и шорох. Мы разделись и пошли по фойе среди разодетой и радостной толпы. Лида взяла меня под руку и тесно прижалась ко мне. Она беспрерывно обращалась ко мне с разнообразными вопросами и смотрела как-то особенно ласково. Казалось, что многочисленные посетители театра не интересовали ее, она только смотрела в мою сторону, заглядывала мне в глаза, все крепче и крепче прижимала мою руку. Мне стало опять весело. Я чувствовал, что Лида не играла со мной, а искренне выражала своим действием то, что было у нее на душе. Радостный и веселый, подвел я свою даму к ложе и хотел уже открыть дверь, как вдруг чья-то сильная рука легла мне на правое плечо, и я услышал сзади голос:

— Да вот где наш беглец!

Я обернулся и увидел смеющееся лицо доктора Хазе.

— Хазе!

— Так точно. Он самый!

— Ну, здравствуй!

— Здравствуй! Здравствуйте, Лидия Ивановна! Как поживает ваш папаша?

— Плохо: болен.

— Не горюйте. Все мы больны, Лидия Ивановна. Ну, а ты, беглец? Приехал на охоту, дал слово идти вместе, а сам удрал и не вернулся. Так нельзя. Хоть бы извинился. Эх, ты!..

— Да я совсем и не скрывался.

— Как так?

— Да так. — И я хотел дать своему другу объяснение столь неожиданного моего исчезновения из его дома, как раздался звонок и началось представление, и мы вынуждены были разойтись.

Усадив Лиду на первое место в ложе, дав программу и бинокль, я наклонился к ее уху и прошептал:

— Полагаю не говорить доктору Хазе, что случилось в ту ночь, когда я ушел из его дома и нашел вас. Я свое исчезновение объясню болезнью.

Лида молча кивнула головой в знак согласия и стала слушать музыку.

«Этот доктор Хазе испортил все настроение, — подумал я, — грубо и неожиданно вторгнулся в наше общество и погасил тот огонек, который начал гореть в душе этой чудной девушки».

— Лида! Лида! — шептал я про себя. — Неужели ты любишь меня? Лида!

Что мне было до оперы, когда в моей душе звучала божественная музыка, и эта музыка была моя и для меня! Она меня любит! Любит! Любит! Любит! Люблю! Люблю! Люблю!

Первое действие окончилось. Раздались аплодисменты. Люди вставали с мест и направлялись в фойе. Мы остались в ложе. Лида взяла бинокль и стала рассматривать публику на втором ярусе. Вдруг бинокль с треском падает на пол. Я нагибаюсь, чтобы поднять его, и когда поднимаю и подаю Лиде, то замечаю, что она побледнела и с ужасом смотрит вверх. Я наклоняюсь и спрашиваю:

— Что такое случилось?

Вместо ответа она молча показывает глазами на второй ярус. Я смотрю по направлению ее глаз и ничего особенного не вижу.

— Он!.. Он!..

— Кто он?

— Он!.. Мой палач!..

— Бляхин?

— Да...

— Где?

— Там... Там... На втором ярусе, — тихо шепчет Лида.

— В каком месте?

— Рядом с дамой, с мехом на плечах...

— А... вижу, Лида!.. Молчи!.. Смотри в другую сторону!

Делай вид, что не замечаешь.

Я беру бинокль и начинаю смотреть на публику в партере, потом перевожу на второй ярус, навожу на то место, на которое указывала Лида, и вижу человека, который истязал, мучил и готовился убить мою любимую девушку. Я чувствую, как дрожат мои руки и нервная дрожь пробегает по моему телу. Я еще раз навожу бинокль на злодея. Он был одет в черный костюм, гладко выбрит и ничто в его наружности не показывало, что это был вор и разбойник.

Бляхин, видимо, ничего не замечал и спокойно разговаривал со своей дамой, не глядя в нашу сторону.

— Лида, вы не ошибаетесь?

— Нет! Это он! Он!

В моей голове постепенно нарождался план действия. Наклонившись, я прошептал:

— Старайтесь не обращать на него внимания. Я посижу с вами до звонка, а когда потушат свет, я незаметно выйду. Сидите спокойно и смотрите оперу.

Скоро раздался звонок. Я поднялся и вышел в фойе. Когда началось второе действие и в фойе никого из публики уже не было, я подошел к дежурному полицейскому и сказал, что в театре сидит опасный преступник. Дали знать по телефону в префектуру, откуда в скором времени прибыли два агента криминальной полиции в штатском и два полицейских в форме. Я вкратце сообщил, что за человек сидит

на втором ярусе театра и предложил арестовать его немедленно. Началось совещание, как лучше арестовать. Чтобы не производить суматохи и не прерывать спектакля, решили произвести арест во время второго антракта. Агенты криминальной полиции стали по бокам выходной двери, я встал напротив них, немного поодаль, и должен был дать знак, когда преступник покажется в дверях. Полицейские заняли выход из фойе. Так мы стояли около получаса и ожидали антракта.

Вот действие окончилось, послышались аплодисменты. Когда раскрыли дверь и публика стала выходить вон из зрительного зала, я жадно всматривался в лица всех выходящих мужчин. Прошла минута, другая, третья, а преступника нет. Я волновался. Заглянув немного в раскрытую дверь, я заметил, что он спокойно сидел со своей дамой и о чем-то беседовал с ней. Агенты смотрели на меня, ожидая условного знака.

Но вот опять раздался звонок, извещавший о конце антракта. Гулявшие по фойе стали входить в зал; в это самое время я заметил, что человек, которого мы так нетерпеливо ожидали, шел навстречу входившим, желая выйти. Около самой двери он столкнулся с какой-то дамой и немного подвинулся в сторону, потом ловким движением проскользнул в фойе. Я дал условный знак и моментально рука преступника была уже сжата крепкой рукой агента. Второй, расталкивая публику, протискивался на помощь. Преступник озадачен, мгновение глядит на агента, потом на публику, и вдруг сильным ударом в грудь отталкивает агента от себя, освобождает руку и со всех ног бросается прямо навстречу идущей публике. Поднимаются суматоха, шум, визг, гам и крики. Несколько человек упало, другие оттолкнуты в сторону, а преступник бежит к выходной двери, там он каким-то необъяснимым образом проскальзывает мимо полицейского, гигантскими шагами соскакивает по лестнице в партер и бежит к выходу. Мы бежим вслед. Около входной двери преступник сталкивается с каким-то человеком, потом открывает дверь, выскакивает наружу и бежит по площади в сторону улицы Аспазии. Раздаются крики, свистки, вслед

бегут люди, но преступник бежит дальше по Театральной площади в сторону Старого города и скрывается в одной из боковых улиц.

Видя, что преступник скрылся, я возвращаюсь назад в театр, так как было холодно, а я был без пальто и шляпы.

В театре уже шел третий акт оперы. Немного оправившись перед зеркалом, я подошел к служителю и попросил открыть дверь в ложу № 4. Вхожу. Осматриваюсь: в ложе никого нет. Где же Лида? Может быть, я зашел не в свою ложу? Оглядываюсь на соседнюю ложу: те же самые соседи. Где же Лида? Я выхожу и спрашиваю у служителя, не заметил ли он, когда выходила из ложи № 4 дама. Нет, он не заметил. Я иду в гардеробную и предъявляю номера, по которым было отдано мое пальто и пальто Лиды. Оба пальто висели на вешалке. Где же Лида? Куда же она могла скрыться? Я спрашиваю у женщины, которая хранит одежду, не заметила ли она выходящей дамы. Нет, ничего не видела.

Я стоял в фойе около входа в ложу и не знал, что делать. Надо спросить в соседних ложах, — несомненно, там видели, когда Лида уходила. Я опять тихо вхожу в ложу, остаиваюсь около двери и наблюдаю соседей. Взоры всех устремлены на сцену, внимание сосредоточено, слух напряжен, и мое исчезновение, видимо, проходит незамеченным. Я сажусь на стул и наклоняюсь сначала направо, потом налево, шепотом извиняюсь за беспокойство и спрашиваю о даме, которая сидела в этой ложе. Из расспросов я узнаю, что Лида вышла во время второго антракта и не вернулась.

«Странно. Куда же она могла скрыться? Домой уехать не могла, так как пальто осталось на вешалке. Ясно, что она в театре. Буду сидеть до конца, авось вернется».

Осматривая ложу, я не замечаю ничего, что могла бы оставить Лида. Поворачиваясь во все стороны, осматриваю все скамьи в партере, все ложи, заглядываю на второй ярус, но нигде не вижу своей спутницы.

Я не знаю, что происходит на сцене, не слушаю пения и музыки, только думаю одну думу: где Лида? Моя душевная тревога растет все больше и больше. Одна догадка сменяется другой. А когда кончился спектакль и люди стали

расходиться по домам, тревога за участь девушки достигла высших пределов.

«Не узнал ли Бляхин Лиду? Не было ли у него сообщника? Не вернулся ли преступник в театр отомстить?»

Одни предположения сменялись другими.

Когда последние из посетителей уже покинули театр и у меня исчезла последняя надежда найти Лиду, я бросаюсь в гардеробную, предъявляю номера вешалки, поспешно надеваю пальто и, захватив с собой пальто Лиды, мчусь к выходной двери.

«Домой! Домой! Может быть, дома все разъяснится».

Я подгоняю шофера ехать скорее. Мы быстро приближаемся к моему дому. Волнение мое все увеличивается и отчаяние западает в душу.

Вот и наш дом.

Заплатив шоферу, я бегом поднимаюсь по лестнице. Вот и дверь моей квартиры. Продолжительный звонок: тихо. Никто не открывает дверь. Минута кажется вечностью. Я звоню, звоню: тихо. Никого нет. Что такое? Что это значит? Я опять звоню. Никого. Я начинаю сильно колотить в дверь кулаком. Прислушиваюсь: раздаются тяжелые шаги няни. Я звоню, как сумасшедший. Няня открывает дверь и говорит:

— Сейчас, сейчас!

— Где Лида? — кричу я, вбегая в квартиру.

Няня удивленно смотрит и не понимает.

— Где Лида? — повторяю я.

— Да что ты, батюшка? Что с тобой?

— Где Лида?

— В театре. Да тебе же лучше знать.

— Ее нет в театре!

— Как нет?

— Да так. Исчезла и не сказала, куда ушла.

— Ах ты Господи! Что же это такое? — заволновалась няня.

Я бегал по комнате, сжимал руками голову, стараясь как-нибудь разъяснить исчезновение Лиды. Я говорил сам с собою, размахивал руками, как сумасшедший.

Понемногу успокоившись, я сел за письменный стол и начал трезво обдумывать создавшееся положение. Заявить об исчезновении полиции? Но какое я имею право отыскивать ее, ведь она же не моя жена и не родственница? А потом еще и неизвестно, случилась ли какая беда с ней или нет.

А вдруг, пользуясь случаем, она просто убежала от меня?

Я подошел к зеркалу и посмотрел на свое лицо. Что я для нее? Чем могу завоевать ее любовь? Спас от смерти? Но ведь это долг каждого человека, и другой на моем месте сделал бы то же. Она благодарна мне и только. Но любить... Любить... для этого нужно иное. А когда она заметила мои чувства, так наглядно выраженные перед отправлением в оперу, то поняла, что ей нельзя дольше оставаться под одной крышей со мной. Не может же она грубо оттолкнуть своего спасителя, когда он лезет с поцелуями. Лучше уйти подальше, — вот и убежала. Но почему же она так странно держала себя перед началом спектакля? Это не была игра, это было действительно искреннее выражение ее чувств.

«Ах, Лида-Лида! Зачем я встретил тебя? Зачем полюбил беспредельно?»

Так, изливая тоску и горе, метался я по комнате, думая горькую думу. Потом сходил в комнату Лиды, посмотрел на ее вещи, стараясь по ним найти какое-нибудь объяснение такому неожиданному исчезновению. Напрасно.

Часы показывали шесть. Я сел в кресло. Устало закрыл глаза и вытянул ноги. Задумался. Что же теперь предпринять? Отыскивать? Зачем? Если сама добровольно ушла, так и Бог с ней. Я опять пошел в Лидину комнату и сел около ее пустой кровати.

«Неужели правда? Неужели испугалась моей любви? — задал я еще раз вопрос и не мог ответить. Опять думы, думы и думы. Часы пробили семь. Я опять подошел к зеркалу. — Неужели я так противен? Неужели нельзя полюбить меня? Чем завоевать любовь? Чем покорить сердце?»

В столовой няня уже готовила утренний кофе. Стукала посудой, двигала стульями. Скоро восемь, надо идти на службу.

Угрюмый, печальный, в самом мрачном расположении духа взял я портфель, надел пальто, подошел к двери, снял с нее цепочку и повернул ключ. Поправив на голове шляпу, я открыл дверь и... Ах!.. Передо мной стояла Лида, с газетой в руке, радостная, веселая, счастливая, одетая в какую-то старую шубу, вероятно, чужую.

— Вот и я.

— Ты?.. Ты?..

— Да. Разве не узнали?

— Я... я думал...

— Сердитесь?

— Да я думал... Лида! — закричал я вне себя от радости.

— Лида! Лидочка!

Я схватил ее в охапку, поднял на воздух и понес в комнату.

— Ай, ай! Все косточки переломали! Ай, ай! — смеялась Лида.

Я усадил ее в кресло и стал спрашивать:

— Где же ты была? — Я не замечал, что говорю уже *ты*.

— Не скажу.

— Ах так! А почему скрылась?

— Надо было.

— Как это понимать: «надо было»?

— Вот лучше возьмите газету и почитайте.

— Разве в газете описано, как ты убежала в одном платье в зимнюю стужу?

— Я уехала в автомобиле, а чтобы не простудиться — обернулась платком. Да вы прочитайте вот эту заметку в газете.

Я начал читать:

«Арест преступника в Национальной опере.

Вчера, после первого акта оперы, полиции стало известно, что на втором ярусе сидит опасный преступник. Решив его арестовать и не желая производить суматохи, полиция стала дожидаться, когда преступник выйдет в фойе. К концу антракта преступник направился к выходу. В это время один из агентов криминальной воскликнул: “Вы аресто-

ваны!» и схватил его за левую руку. Но преступник сильным ударом оттолкнул его в сторону и бросился бежать по коридору, расталкивая и сбивая с ног посетителей театра. Пользуясь суматохой, преступник спустился в партер, а оттуда через выходную дверь наружу. Полицейский, дежуривший около дверей, хотел остановить бежавшего, но тот не послушался окрика, побежал дальше. Был дан вдогонку выстрел, но преступник бежал, не оглядываясь, по Театральной площади в сторону Старого города. Несмотря на организованную погоню, преступнику удалось скрыться в одной из поперечных улиц. Но поздно ночью, оцепив район, где спрятался преступник, дежурившие на улице полицейские заметили какого-то подозрительного субъекта, выходявшего из подворотни дома. На предложение остановиться и показать документы незнакомец пустился бежать, но один из полицейских выстрелил и ранил его в спину. Незнакомец упал. Раненого отвезли в больницу, где сняли допрос. Оказалось, что это был тот самый преступник, который убежал из Национальной оперы. Выяснив личность арестованного, полиция пришла к убеждению, что ей удалось поймать очень опасного бандита, уже давно отыскиваемого, но всегда ускользавшего из рук правосудия. Но положение раненого к утру ухудшилось, и он в шесть часов умер от полученной раны».

Я молча посмотрел на Лиду и вздохнул с облегчением.

— Слава Богу, — вырвалось из моей груди. — Ну, а где же ты была? Почему скрылась?

— После, после... Теперь я устала. Смотрите, уже скоро девять и вам пора на службу. Вечером расскажу все, — сказала Лида и пошла в свою комнату.

С моих плеч как бы свалилась тяжелая ноша. Мне стало легко и я быстро и весело зашагал на службу. Опоздал на десять минут, но мое отсутствие прошло незамеченным. Производя привычную работу, я нетерпеливо ожидал трех часов, когда можно будет идти домой. Вот часы бьют три. Быстро укладываю бумаги, закрываю шкаф и спешу домой.

Стол накрыт. Обед подан. Лида, одетая по-праздничному, ожидает меня.

Я целую ее руку и сажусь за стол. Моя милая старушканиня приготовила самые любимые мои кушанья. Я ем с аппетитом. Лида разговаривает о хозяйственных делах с няней. Я ожидаю, когда она начнет рассказывать, как и почему убежала из оперы, но мои ожидания не оправдываются.

После обеда, когда няня убрала посуду и ушла в кухню, я начал допрос.

— Ну, когда же вы расскажете о поспешном бегстве из оперы?

— Да и рассказывать нечего.

— Как так?

— Да так, все произошло очень просто.

— А именно?

— Когда вы ушли из ложи, я посмотрела вверх. Бляхин смотрел прямо на меня. Я ясно видела, что он наклонился к своей даме и о чем-то с ней говорил. Не знаю почему, но мне показалось, что он говорил обо мне. Вероятно, он узнал меня. Мною овладело беспокойство и я подумала, что злодей может отомстить. Как только уменьшили свет и началось второе действие, я решила выйти незамеченной и убежать. Я так и сделала.

— Куда же вы скрылись?

— Я поехала на свою старую квартиру, переночевала там и вот опять явилась к вам.

— А я так беспокоился.

— Я знала это и мне было очень жаль вас. — И с этими словами она подошла ко мне, положила обе руки на мои плечи и, глядя прямо мне в глаза, прибавила: — Теперь вашему беспокойству конец.

Сказав это, она отошла к окну и стала смотреть на улицу.

— Всю ночь я метался по этой комнате и думал, думал и беспокоился.

— Дорогой мой, я тоже беспокоилась.

— Вы думали обо мне?

— Конечно. Так же, как и вы, не спала целую ночь. Ведь вы же теперь самый дорогой человек для меня.

— Лида! Это правда, что вы сказали?

— Конечно, правда.

— Как понимать это?

— Подумайте и поймете.

Мы замолчали. Слово «дорогой» меня не удовлетворяло, я хотел, чтобы меня называли «любимый», но о любви Лида не говорила. Я молча смотрел на девушку и думал о том, как понять ее слова, что она испытывает в эту минуту и какую тайну скрывает ее сердце. Потом вдруг почему-то вспомнил о браслете, который «приносит счастье и удачу».

— Знаете, Лидия Ивановна, о чем я думаю сейчас?

— О чем?

— Не о том, о чем вы предлагаете «подумать и понять», а думаю о браслете. О вашем браслете, который сыграл такую большую роль в наших взаимоотношениях.

— Ну, что же вы думаете?

— Думаю, что браслет действительно чудесный. Он вам лично помогает, но мне почему-то не оказывает содействия.

— Разве? Наоборот, полагаю, что и вам оказал содействие, так как помог найти меня.

— Да, это верно: найти вас нашел, но я не могу понять вас; иногда мне кажется, что ваша душа открыта для меня, а иногда нет, и вы остаетесь для меня загадкой.

Лида подошла ко мне поближе и внимательно посмотрела на мое лицо, потом, немного помолчав, проговорила:

— А кстати, где этот браслет?

— Вы хотите посмотреть его?

— Да.

— Сейчас принесу.

Я пошел в свою комнату и стал отыскивать ключ, чтобы отомкнуть ящик, где лежал браслет. «Надо вернуть этот браслет Лиде». Действительно, почему я раньше этого не сделал? Девушка так дорожит им, а я держу его взаперти. Но, открыв ящик стола, я не нашел в нем браслета. В сильном возбуждении я стал выбрасывать из ящика все бумаги. Я

перерыл все ящики стола, этажерку, заглянул под стол и диван, но браслета не нашел.

«Вот оказия!» — думал я, стоя посреди комнаты и соображая, куда бы я мог засунуть браслет.

— Украли! — прошептал я. — Исчезла самая дорогая вещь.

Что делать? Конечно, надо сказать о пропаже Лиде...

— Беда! Браслет исчез, — сказал я, входя опять в комнату, где сидела Лида. Это неожиданное известие сильно поразило девушку. Она побледнела и с ужасом смотрела на меня. Наступило молчание.

В это время в комнату вошла няня и заметила, что между нами что-то произошло, подошла к нам и спросила:

— Да что такое опять случилось? — Мы молчали. — Что же случилось? — повторила она опять вопрос.

— Беда!

— Какая беда.

— Браслет исчез!

— Не может быть. Пойду сама посмотрю.

Через минуту няня возвратилась и сказала ворчливо:

— Только напрасно пугаете старуху. Он лежит там, где и был.

Я подскочил от радости, Лида просияла и сразу повеселела.

— Где же он?

— Да у барышни в комнате.

Все поспешно пошли в Лидину комнату, и няня показала нам браслет, лежавший в верхнем ящике ночного столика.

— Как же ты, няня, могла браслет достать из моего письменного стола?

— Я его из вашей охотничьей сумки вынула, а не из письменного стола.

— Ах, вот оно что! — Теперь я вспомнил, что, отправляясь на станцию, чтобы ехать к доктору Хазе, я вытащил браслет из ящика и, стоя в нерешительности, не знал, взять ли с собой браслет или нет. Очевидно, второпях я сунул его в охотничью сумку и позабыл об этом.

— Знаете, Лидия Ивановна, этот браслет действительно

чудесный, — говорил я, возвращаясь в гостиную.

— Да, я знаю.

— Теперь все, что случилось, мне кажется каким-то особенным и полным скрытого смысла. Я очень рад, что все хорошо кончилось. Браслет сделал свое дело — и сделал хорошо.

Я вытащил браслет из ящика и, подойдя вплотную к Лиде, сказал:

— Примите обратно этот браслет, Лидия Ивановна.

— Вы хотите подарить его мне?

— Да, хочу.

Лиди взяла браслет, положила его на стол и молча повернулась ко мне.

Я смотрел на ее широко открытые глаза, подернутые легкой слезой благодарности, и уже хотел прижать эту девушку к своему сердцу и поведать ей о своей любви, как вдруг Лиди проговорила:

— Дорогой мой, вы очень добры... я не знаю, как благодарить вас. Я обязана вам своей жизнью, и теперь опять эта жертва!..

— Жертва! Да что вы? Какая же это жертва? Это удовольствие, а не жертва. Но для вас я готов и на жертву.

Лиди пристально посмотрела на меня, подумала, потом улыбнулась и сказала:

— Хорошо, я принимаю браслет и требую жертвы.

— Какую жертву вы требуете?

— Завтра я уезжаю, и вы не должны горевать об этом.

— Уезжаете?

Голос мой задрожал.

— Да, уезжаю. Но вот видите, вы уже и приуныли.

— Но... как же... как же я-то буду?..

Я опустился на стул, сжал голову ладонями и, чтобы скрыть волнение, наклонился вниз.

Лиди подошла ко мне, прижала мою голову к себе и стала гладить мои волосы.

— Дорогой мой, не горюйте, я знаю ваше сердце.

— Нет, вы не знаете! Если бы вы знали!.. Ах, да что! Неужели вы не видите, что я люблю вас! Люблю первый раз в

моей жизни! Я полюбил вас с первой же встречи и после этого только и живу вами!

— Дорогой мой... — Голос ее вздрогнул, она замолчала, и мне показалось, что на мою склоненную голову упала слезинка.

Я поднял голову и увидел взволнованное лицо девушки. Губы ее были полураскрыты. Грудь тяжело дышала. Я быстро вскочил и, не отдавая себе отчета, что делаю, страстно поцеловал ее в губы. Она обвила меня нежными руками, склонила голову на мою грудь и молчала.

— Не мучь меня! Не покидай меня! Не отвергай меня! Моя милая, моя любимая, — шептал я, целуя ее волосы, щеки и губы.

Так мы стояли несколько минут, которые были самыми счастливыми в моей жизни. Наконец Лида взяла мою голову руками, наклонила ее немного к себе, поцеловала меня, потом, не говоря ни слова, тихо пошла в свою комнату.

«Она меня не любит. Она ни разу не сказала мне слова любви. Этот поцелуй — поцелуй благодарности, а не любви», — подумал я вслед ей.

На другой день утром Лида не явилась к утреннему кофе, и я, не повидав ее, ушел на службу. А когда возвратился домой, то узнал, что Лида уехала.

Все вдруг для меня изменилось и потеряло прежнее значение. На сердце была такая тоска, что хотелось плакать. И я плакал и страдал. Няня, видя мое горе, утешала меня, как маленького ребенка.

— Няня, а что барышня сказала, когда уезжала?

— Ничего особенного. Только строго велела наблюдать, чтобы ты не горевал.

— И больше ничего?

— Ничего.

— А не сказала, куда уехала?

— Нет.

— Странно.

Подойдя к столу, я заметил письмо. Дрожащими руками распечатал я письмо и стал читать.

«Дорогой мой! Я должна была уехать. Не спрашивайте, почему и отчего. Так надо. Наша разлука будет для нас обоих полезна. Вы проверите ваши ко мне чувства, а я... Ах, да что! Если бы вы знали, как мне тяжело оставлять вас, то не стали бы обвинять меня за такой поспешный отъезд. Не сердитесь.

Ваша навеки,
Лида».

— «Не сердитесь», — повторил я, опускаясь в кресло. — Уехала. Оставила. Ну, что же, насильно мил не будешь! Силой не удержишь! Бог с ней! Пусть едет, куда хочет. Пусть будет счастлива! Да, я желаю этого. Желаю, чтобы была счастлива!

XV

И вот потянулись для меня бесцветные дни. Все казалось печальным, унылым, будничным. Я был опять одинок, с тоской в сердце и грустными думами. Но у меня были воспоминания о прошлом, и эти воспоминания были единственным решением моей грустной жизни.

Так я жил без радости и надежды. Проходили дни, недели, месяцы, а от Лиды не было никаких известий, да я и не ожидал ничего. Было ясно, что Лида оставила меня навсегда и никогда не вернется.

Однажды я простудился и заболел гриппом. Болезнь была нетяжелая. Лежа в кровати, я стал перебирать в памяти обстоятельства моих отношений к Лиде и, в конце концов, решил, что она поступила правильно. Раз нет любви с ее стороны, то было бы безумием выходить замуж за человека только потому, что он спас ее жизнь. Это убеждение немного облегчило мое положение, и вместе с выздоровлением моего тела, выздоравливала и моя душа.

Наступила весна. Распустились деревья. Расцвели цветы. Прилетели птицы. В природе была радость, а в моей душе тоска и печаль.

— Когда мы поедem на дачу? — спросила однажды няня.

— Да стоит ли ехать?

— Что ты, батюшка, Господь с тобой! Разве можно без дачи: сидишь все время в комнате, этак и заболеть можно. Надо беречь здоровье, а ты не обращаешь на себя никакого внимания. Посмотри на себя в зеркало, на кого ты стал похож: бледный, худой, кожа да кости.

Няня долго говорила на эту тему и в конце концов все-таки уговорила снять дачу и уехать из города. Решили поселиться на Рижском взморье. Чистый морской воздух, соленая вода, солнце — эти естественные могучие целители быстро восстановили мое здоровье. Я поздоровел и окончательно примирился с мыслью, что Лида для меня потеряна.

Незаметно прошло лето, а за летом наступила и осень. Возвратившись в город, я стал жить по-прежнему.

Тридцатое ноября — день моего рождения.

Накануне этого дня, придя со службы, я заметил, что няня чем-то взволнована. Я спросил, что с ней.

— Да ничего, батюшка, со мной не случилось. Просто я нервничаю насчет завтрашнего дня; не знаю, что вам приготовить и чем угостить.

— Знаете что, няня?

— Что, батюшка?

— Не делайте никаких приготовлений. Нынче гостей у меня не будет.

— Да как знать, авось кто-нибудь и придет.

— Нет, не придет. Я всем сказал, что в этом году день своего рождения праздновать не буду.

— Ну, зачем же так, без гостей?

— Так я решил.

Но для чего я так решил, и сам не знаю: не хотел, вот и все.

Вечером, отправляясь спать, я заметил, что няня не ложится, а продолжает делать что-то на кухне.

День моего рождения был не только мой праздник, но и праздник няни. Она любила в этот день вспоминать о том времени, когда я был маленький, и любила рассказывать разные истории из моей детской жизни, поэтому я не решился лишить мою старушку радости и подумал:

«Ну, да пусть готовится...»

Утром тридцатого ноября няня по обычаю поздравила меня с днем рождения и пожелала большой радости. Я обнял мою старушку и несколько раз поцеловал ее старческие щеки. Ведь няня была единственным человеком, любившим меня, как любит мать своего сына.

— Смотри, не опоздай к обеду! — сказала няня.

— Вовремя приду, нянечка! — ответил я и пошел на службу.

В три часа, по обыкновению, я кончил работу и пошел домой. Подойдя к квартире, я был приятно удивлен, увидев, что дверь была увита зеленью.

«Ах ты, моя старушенция! — подумал я. — Что выдумала! Раньше этого не делала, а теперь какой сюрприз придумала!»

Открыв дверь, я разделся и вошел в свою комнату. На моем столе стояли цветы, и рядом с ними был большой портрет Лиды. Я жадно впился глазами в столь любимые мною черты, и сердце заныло от горя и печали.

Но вот открывается дверь, и входит няня, радостная и веселая, и зовет меня кушать. Я иду в столовую. Стол украшен цветами, а за цветами мелькают глаза и лицо, смеющееся от счастья и покрасневшее от волнения.

— Лида! Ты... ты здесь!

Лида молча подходит ко мне, обвивает мою шею руками. Целует меня и прижимается ко мне. Я замираю от счастья.

— Дорогой мой! — шепчет она. — Нашей разлуке конец! Я приехала к тебе навсегда.

— Навеки! — говорю я тихо.

— Навеки! — повторяет она.

Тихий плач заставляет обернуться нас, и мы замечаем няню, стоящую у дверей и плачущую. Мы знаем, что это слезы радости, поэтому не утешаем ее, а обхватываем руками милую старушку и говорим ей ласковые слова и целуем старческие щеки. Потом мы садимся за праздничный стол и кушаем.

— А знаешь, дорогой мой, няня у нас молодец, — говорит Лида, ласково глядя на старушку, — она ни слова не сказала тебе о том, куда я уехала.

— А разве она знала?

— Конечно, знала.

— Ай-ай! Няня-няня! — качаю я головой. — Куда же ты уезжала?

— К отцу, за границу.

— Зачем?

— А вот за этим! — И Лида указала на угловой стол.

Я посмотрел туда и увидел какую-то черную шкатулку.

— Что это такое?

— Посмотри.

Я подошел к столу.

— Открой! Вот ключик!

Я взял ключик и открыл шкатулку. Шкатулка была вся заполнена драгоценными вещами. Там были золотые часы,

браслеты, кольца и портсигар, а сверху лежало бриллиантовое ожерелье и жемчуг.

— Какое богатство! — воскликнул я. — Откуда ты достала все это?

— Из земли.

— Из земли? — протянул я, не понимая.

— Да. Это и есть та шкатулка, из-за которой меня хотели замучить.

— Ты знала ее местонахождение?

— Нет.

— Как же ты нашла?

— Очень просто. Я поехала к отцу и рассказала все, что со мной случилось. Отец открыл мне тайну местонахождения шкатулки. От отца я поехала в усадьбу и там отыскала эту шкатулку. Там же, в доме, на полу, нашла и ключик.

— И ты не боялась?

— Чего же мне бояться, когда со мной был мой чудесный браслет?

— И ты веришь, что браслет охраняет тебя?

— Конечно. Вот тебе и письмо от отца.

Распечатав письмо, я прочел:

«Молодой человек! Я не знаю Вас. Но то, что сообщила о Вас моя дочь, свидетельствует, что Вы человек благородный и добрый. Благодарю Вас за спасение моей дочери и прошу принять в подарок эту шкатулку. Потом прошу любить и беречь мою дочь. Да хранит Вас Господь».

Я взял шкатулку, закрыл ее и положил к ногам Лиды.

— Мне не надо богатства. Мне надо только тебя, а эту шкатулку возьми себе и делай с ней, что хочешь.

— Дорогой мой, что мое — то твое. С сегодняшнего дня мы муж и жена. Не так ли?

— Да, моя дорогая, так, — сказал я, сияя от счастья.

Через месяц была наша свадьба, и для меня началась новая счастливая жизнь.

Примечание

Николай Дмитриевич Гудков (30.XI. 1884 — ?) — учитель рижской городской русской средней школы. Владелец бани и издательства, специализировавшегося на выпуске учебников и оккультно-теософской литературы (сведения Ю. И. Абызова). В собственном издательстве, под псевдонимом «Н. Азин», выпустил и роман «Браслет».

Текст публикуется по первоизданию: Азин Н. Браслет: Роман. Рига: Изд. Н. Гудкова, 1935. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.